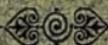

Л 224
Л 576
27

О нашемъ современномъ положеніи.

Записка, составленная въ 1904 году

Н. М. Павловымъ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВИЛОВСКИЙ ПЕР., СОб. Д.

1906.

О нашем современном положеніи. Записка, составленная въ 1904 году Н. М. Павловым¹⁾.

I.

Все реформы императора Александра II—какъ бы ни сочувствовали ихъ благонамѣренной цѣли—страдаютъ тѣмъ общимъ недостаткомъ, что сочинялись по западнымъ образцамъ. Нынѣ дѣйствующія „Земскія Учрежденія“ правильнѣе было бы назвать *муниципальными*: они не земскія въ русскомъ смыслѣ. Законы о *новомъ судопроизводствѣ* прямо рабскія копіи, и притомъ не съ лучшихъ оригиналовъ. Уставъ объ „*воинской повинности*“ списанъ съ иностранныхъ же образцовъ, а наше самородное явленіе „казачество“—эта живая изгородь русскихъ окраинъ—въ то реформенное время всячески принижалось.

Въ болѣе выгодномъ свѣтѣ противъ всехъ прочихъ, выдается впередъ крестьянская реформа. Но только она одна и была тогда произведена силами и трудомъ образованнаго меньшинства, *лучшими людьми* изъ самаго общества,—а не департаментами министерствъ и не начальниками отдѣленій. Крестьянская реформа была изъята изъ вѣдомства бюрократическихъ сферъ. Благодаря призыву лучшихъ русскихъ людей къ дѣлу, указанному царемъ, освобожденіе крестьянъ и совершилось у насъ *съ землею*—на диво и къ соблазну правительственныхъ и научныхъ людей Запада, видѣвшихъ въ томъ коммунизмъ и жакерію,—злорадно поджидавшихъ смуть въ нашемъ отечествѣ и потомъ притихшихъ въ ужасѣ за свой собственный внутренній бытъ при видѣ полного спокойствія нашихъ крестьянъ. Однако жъ и „Эмансипація“ не обошлась безъ помѣхи русскому дѣлу. Много погрѣшили тогда даже тѣ, которые въ мірянахъ сельской общины вовсе не видѣли ни жакеріи, ни коммунизма: ошибки, допущенныя ими въ „*крестьянскомъ дѣлѣ*“, и сказываются въ наши дни роковыми послѣдствіями повсемѣстно.

Эпоха императора Александра II, такимъ образомъ, именно въ силу того, что все до одной ея реформы не были управлены въ русскомъ духѣ, не принесла желательныхъ результатовъ.

Справедливость требуетъ сказать даже, что она во многихъ отношеніяхъ распатала русскій бытъ и закончилась, въ довершеніе всего, неистовствомъ вражьей крамолы: внутренней и вѣдшней. Страшной памяти времена!

Зачавшись въ такую ужасную годину и унаслѣдовавъ невыразимо-тяжкое бремя правленія, царствованіе Александра III составило, по необходимости—(безпримѣрный въ теченіе имперскаго петербургскаго періода)—такой исторической моментъ, который неминуемо долженъ былъ производить впечатлѣніе какъ бы нѣкотораго *застоя*. То было совершенно особенное *status quo*, когда—спершись, какъ въ водоворотѣ, сшибаются съ разныхъ сторонъ противоположныя теченія, и все кружится отъ противостремленій, какъ въ заколдованномъ кругу—ни впередъ, ни назадъ—на одномъ мѣстѣ. Мнимая русская „интеллигенція“ въ томъ и видѣла *застой*: такъ именно и смотрѣла на эпоху Царя-Миротворца, этого замѣчательнаго Самодержца—перваго еще въ имперскій періодъ государя русской земли, душѣ котораго претилъ духъ имперіализма. Но истинно русскіе люди воздали и воздаютъ честь почившему государю, постигшему внутреннимъ чувствомъ, угадывавшему болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ, сущность русскихъ основъ. Эпоха его, имѣвшая видъ застоя, составила въ дѣйствительности тотъ поворотный пунктъ въ нашей Исторіи, когда анти-русскія стремленія вызвали отпоръ въ пробудившемся сознаніи Русскаго народа и убоялись встрѣтиться лицомъ къ лицу съ народнымъ стремленіемъ, воспротивившимся ихъ посягательствамъ. Задача, такимъ образомъ, выпавшая на долю „царя-миротворца“, Александра III, была изъ самыхъ тяжелыхъ—столько же по необычайной важности вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію въ его время, какъ и по необъятной трудности самихъ рѣшеній.

Можно же себѣ представить теперь всю тяжесть неудобноносимаго бремени, павшую на рамена Вѣнценосца, унаслѣдовавшаго заразъ накопившіяся затрудненія обоихъ царствованій: и своего родителя, и своего дѣда. Трудность эта особенно велика именно теперь, по прошествіи почти полувѣка со дня освобожденія крестьянъ, когда не по днямъ, а по часамъ увеличивается тѣснота между ними: въ наступившій XX вѣкъ, когда уже о своихъ неотложныхъ нуждахъ дѣйствительно вопіетъ весь народъ русскій,—и зачѣмъ, должно досказать это—народныя вопли заглушаются еще раздирающимъ крикомъ чуждыхъ русскому народу людей, самозванствующихъ его именемъ, въ качествѣ его „интеллигенціи“, и мнящихъ себя „представителями“ его.

Царскій манифестъ отъ 26 февраля 1903 года раздался, какъ благовѣсть, въ оживленіи народныхъ упованій. Встрепенулись сердца, надежды оживились. Всѣ думали: будетъ же, наконецъ,

приступлено къ благотворному труду для исправленія не управляемаго и упроченія нашего поколебленнаго быта. Но для этого нуженъ былъ миръ, а по грѣхамъ нашимъ,—увы, по великимъ нашимъ грѣхамъ,—наступила необычайная война. Довлѣеть злоба дневи. Единодушно Царь и народъ изготовились претерпѣть заслуженное насланіе гнѣва Божьяго. Все теперь приносится въ жертву, дабы съ достоинствомъ перемочь и пережить ужасы и горе войны. Но не перестала черезъ то и не умаляется нужда народная, а только, въ виду врага, забота объ его отраженіи заставила отложить до времени все прочее. Не перестали же, не умаляются замышленія и чуждыхъ русскому народу реформаторовъ нашихъ, сходящихся во взглядахъ на цивилизацію съ самими японцами, пожалуй, и видящихъ даже нѣкоторымъ образомъ въ настоящей войнѣ какъ бы одобрительный поводъ къ собственному возбужденію—въ духѣ своихъ собственныхъ упованій. Хотя, быть можетъ, они и раздѣляютъ мнѣніе о необходимости смыть дочиста нанесенное оскорбленіе дерзкимъ врагомъ, однако не умолкаютъ съ ихъ стороны и злорадостные клики. „*A la guerre comme à la guerre*“—говорятъ они—„но не вѣчно же война будетъ длиться—*und was kommt nacher*“? сбудется же или не сбудется по нашему—*that is the question*.

И должно сказать, что теперь—именно при разгорѣвшейся брани и, Богъ вѣсть, долго ли или не долго имѣющей продолжаться войнѣ—если не время приступить къ самой работѣ, то истинно наступилъ часъ вдуматься въ размѣръ и значеніе необходимыхъ занятій по дѣлу нашего внутренняго устроенія, изыскать прямые и вѣрные пути для благонадежнаго приступа къ предстоящимъ занятіямъ, и заблаговременно изготовить способы къ наилучшему веденію и исполненію ихъ въ мирѣ.

II.

Какъ устроить сельско-уѣздное управленіе не въ духѣ петербургскаго канцеляризма и не въ увѣнчаніе бюрократической системы, а въ пользу общую и сообразно съ русскимъ бытомъ? Какъ сообразно тому преобразовать губернскія учрежденія? и какъ, наконецъ, согласовать съ тѣми и другими всѣ дальнѣйшія, сосредоточенныя въ Петербургѣ—вотъ неотложный вопросъ, требующій себѣ разрѣшенія еще съ тѣхъ поръ, какъ было отмѣнено „крѣпостное право“, составлявшее у насъ своего рода цѣлую правительственную систему.

И мимоидущая на нашихъ глазахъ современность—(роковой результатъ ошибокъ и недоразумѣній, вкравшихся въ нашу Исторію въ теченіе Имперскаго періода)—неодолимо препятствуетъ не только благоуспѣшному рѣшенію этого выдвинутаго

самую жизнью вопиющаго вопроса, но даже правильной его постановкѣ.

Приходится считаться теперь, во первыхъ, съ плотно-утвердившимся казеннымъ строемъ министерскихъ и земскихъ бюрократическихъ учреждений. Нагроможденные другъ на друга и воздвигнутыя одни около другихъ, всё они все болѣе и болѣе массой входящихъ и исходящихъ бумагъ упорно отстаиваютъ право на существованіе и не хотятъ его лишиться.

Приходится считаться, во вторыхъ, съ, такъ называемымъ, общественнымъ мнѣніемъ. Ему, собственно говоря, до сихъ поръ у насъ не откуда было взяться, не было предоставлено возможности и образоваться,—но тѣмъ хуже. Взамѣнъ дѣйствительнаго „общественнаго мнѣнія“ ходитъ въ публикѣ вредная его фальсификація—такая, что сами органы этой публики, ежедневно и ежемѣсячно плодимые прессой, суть лишь органы *общественнаго обмана*. Наша публика, величающая себя интеллигенціей, въ дѣйствительности вовсе не выражаетъ разумѣнія... казалось бы своего, а въ дѣйствительности чуждаго ей... русскаго народа. Публика и народъ у насъ двѣ вещи совершенно розныя. Съ народными желаньями и запросами всё вождельнія публики, высказываемыя прессой—не только не имѣютъ ничего общаго, а, прямо сказать, идутъ въ разрѣзъ.

Попробуйте сказать нашимъ „министрамъ и главноуправляющимъ частями министерствъ“: земля и государство представляются по русскому народному возрѣнію въ такомъ неразрывномъ единствѣ, что на Руси и государево, и земское дѣло—собственно говоря—одно. И противъ этого возопіетъ вся нынѣ дѣйствующая бюрократическая система. Почитая себя командующей распорядительницей страны, бюрократія смотритъ на всёхъ не принадлежащихъ къ ея штату, какъ на своихъ подчиненныхъ, обязанныхъ ее слушаться по субординаціи.

Вскорѣ послѣ Положенія 19 февраля 1861 года, когда всюду по мѣстамъ были поставлены „изъятые изъ общаго устава о службѣ гражданской „Мировые Посредники“, когда всюду же по мѣстамъ были заведены сельскіе Мировые участки и они завѣдывались не „чиновниками“,—а этими мѣстными общественными дѣятелями, истинно земскими людьми не на подобіе нынѣшнихъ „земскихъ гласныхъ“, и когда собиравшійся въ уѣздномъ городѣ „Мировой Съѣздъ“ былъ воистину „мировымъ земскимъ съѣздомъ“, а не карикатурой и пародіей на него—всѣ силы бюрократіи сверху донизу были направлены къ скорѣйшей отмѣнѣ подобныхъ мировыхъ дѣятелей и къ искорененію подобныхъ мировыхъ участковъ. Что мы говоримъ правду—въ доказательство тому должны привести точную справку: выписку изъ передовой статьи (М. Н. Каткова) Московскихъ Вѣдомостей того времени. Вотъ что имъ писалось въ

60-х годах: „Бюрократическій порядокъ господствуетъ у насъ издавна, господствуетъ исключительно; все у насъ дѣлается и движется путемъ бюрократической организаціи; всѣ обычаи и приемы нашей администраціи — бюрократическаго свойства. Бюрократическая организація стремится всячески втянуть въ свою сферу начатки другаго рода организаціи. Мировыя учрежденія (Мировые Посредники и уѣздные Мировые Съѣзды) у насъ представляютъ собой почти единственное исключеніе изъ бюрократическихъ порядковъ, почти единственный примѣръ управленія не въ бюрократическомъ смыслѣ. *Эти учрежденія чувствуются бюрократіей какою-то аномаліей, какимъ-то беспорядкомъ, нарушающимъ общій строй, и возникаютъ побужденія сгладить беспорядокъ и возстановить нарушенное единство общей системы*“. Вотъ какъ дѣйствовали во время оно „министры и главноуправляющіе частями Министерствъ“, уничтожившіе учрежденіе Мировыхъ Посредниковъ и существовавшихъ тогда сельскихъ мировыхъ участковъ. Полнымъ искорененіемъ этихъ воистину мировыхъ земскихъ учрежденій—отвѣчали они, со своей стороны, въ опроверженіе русскаго народнаго воззрѣнія объ единствѣ государева земскаго дѣла.

Попробуйте повторить то же самое нынѣ дѣйствующимъ, такъ называемымъ, „Земскимъ Учрежденіямъ“ въ словахъ еще болѣе простыхъ. Скажите именно такъ: „сельскій мировой участокъ, какъ онъ былъ узаконенъ Положеніемъ 18 февраля 1861 года, явилъ истинный образецъ той политической ячейки, изъ союза которыхъ долженъ былъ сложиться истинно-русскій строй государева земскаго дѣла, какъ въ каждомъ уѣздѣ, такъ и далѣе въ губерніи, а затѣмъ далѣе и далѣе. И противъ такого рода *мелкой земской единицы* возопіютъ Гласные и Управы всѣхъ же нынѣ дѣйствующихъ „Земскихъ Учрежденій“.

Понятно почему такъ. Ибо всѣ „Гласные“ земства и Земскія уѣздныя и Губернскія Управы—(тоже можно сказать о Городскихъ Думахъ, особенно столичныхъ и большихъ городовъ)—всѣ вообще интеллигенты, представляющіе у насъ собой публику, а не народъ, хотя почитаютъ себя въ рѣшительномъ антагонизмѣ съ „министрами и главноуправляющими частями министерствъ“ и хотя повидимому ратуютъ противъ „бюрократической системы“—въ сущности однако—именно въ качествѣ публики—составляютъ съ этимъ продуктомъ имперскаго періода одно и то же. Они желаютъ, въ качествѣ „интеллигентовъ“, властвовать и командовать народонаселеніемъ, почитая народъ лишь грубою массой, обязанной ихъ слушаться по субординаціи.

Современная русская публика, разумѣется, поставляетъ изъ своей среды и правителей не лучше себя: одно съ другимъ, разумѣется въ кругой порукѣ между собой. По вопросамъ ли

поднятія уровня образованія въ народѣ путемъ принудительной грамотности и постройки увеселительныхъ заведеній,—увеличенія ли благосостоянія въ народѣ сокращеніемъ праздничныхъ дней въ году и прочее, и проч., трудно даже и разобратъ: кто у кого въ наши дни предвосхищаетъ мѣропріятія и умоначертанія—„земскія-ли учрежденія“ у министерствъ или обратно?

III.

Въ доказательство нынѣшняго хаотическаго состоянія умовъ, можно привести примѣръ, еще болѣе разительный. Скажите господамъ „министрамъ и главноуправляющимъ частями министерствъ“: необходимъ Земскій Соборъ, его созваніе и выручить насъ изъ затрудненій. Правящія сферы, пожалуй, не будутъ противъ такого рѣшенія,—но почему? Потому что онѣ поймутъ его въ конституціонномъ смыслѣ. А бюрократія готова правительствовать при всякомъ строѣ, конституціонный ей ничуть не помѣха. Бюрократія охотно служитъ всякому правительству, лишь бы и на свою долю не утратитъ власти въ немъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ были у насъ заведены „министерства“ — и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе по закону бюрократическаго наростанія это шло въ гору—они и самовластвуютъ у насъ въ полной силѣ: сколько отдѣльныхъ министерствъ—столько у насъ и отдѣльныхъ самодержавій. Съ тѣмъ вмѣстѣ однако подобные самовластцы прикидываются непременно лишь исполнителями абсолютныхъ предначертаній. Всѣ благія мѣры, когда та или другая, радостно привѣтствуется цѣлою страной, они охотно приписываютъ собственному почину; а—чуть что—говорятъ о себѣ: „мы только исполнители, мы бы и рады были принять на себя отвѣтственность передъ судомъ общественнаго мнѣнія, но пусть же будемъ правителями взаправду, а не исполнителями абсолютныхъ предначертаній. Насколько всякая писанная, а не обычно-своеземная конституція составляетъ на дѣлѣ лишь фальшивый инструментъ фальшиваго общественнаго мнѣнія—настолько и вся наша „бюрократическая система“ готова будетъ пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, склониться къ *Земскому Собору*, какъ къ подобному же учрежденію, въ которомъ и прозираетъ уже нѣкоторымъ образомъ ковчегъ собственнаго спасенія.

Повторите то же самое и нынѣ дѣйствующимъ „Земскимъ Учрежденіямъ“, повторите и имъ: „необходимо созвать Земскій Соборъ“. И господа Гласные съ своими Губернскими и Уѣздными управами возликуютъ. Почему? потому что и въ свою очередь вообразятъ себя парламентомъ: они сразу увидятъ въ себѣ законодателей страны.

А что „Земскій Соборъ“—какимъ онъ представляется по рус-

скому народному возрѣнію—фактически невозможенъ и даже немислимъ въ наши дни—о томъ никому изъ тѣхъ и другихъ не придетъ въ голову.

Земскій Соборъ—какъ его понимали въ старину—вовсе не панацея для выхода изъ затрудненій, надѣланныхъ имперскимъ періодомъ. То былъ симптомъ полной гармоніи между правящими и управляемыми, существовавшей на Руси ранѣе имперскаго періода,—симптомъ полного союза между Землей и Государствомъ, чѣмъ и отличалась древняя Русь во весь Царскій періодъ,—симптомъ единенія, который и выражался формулой: „государево-земское дѣло“. При такомъ строѣ, естественно было въ затруднительныхъ обстоятельствахъ—на каждый отдѣльный случай, для рѣшенія того или другого вопроса, *ad hoc*—сзывать и Земскій Соборъ. Царь и соборяне въ томъ не видѣли: первый органиченія власти; вторые—прерогативы или надбавки политическихъ правъ.

Могло быть въ древней Руси много разной неправды и всякихъ непорядковъ, но сверху донизу—единство между Государевымъ дѣломъ и Земскимъ—было полное. По этой части все находилось въ цѣлости, и ничего не расколосось. Самъ ли Иванъ Васильевичъ Грозный созывалъ земскій соборъ или *тишайшій* царь Алексѣй Михайловичъ—тогда никому изъ созданныхъ въ голову не приходило мнить себя законодателями страны, ни даже „представителями народа“: лживый и несвойственный русскому человѣку терминъ, вовсе намъ не пригодный.

А во что обратился бы Земскій Соборъ въ наши дни, при чуждой русскому народу современной „интеллигенціи“? Въ учредительное собраніе, въ *chambre constituante*. Пусть бы заданъ былъ ему самый простой чисто-хозяйственный вопросъ: какъ усилить урожай пшеницы наиболѣе сообразнымъ способомъ? И непременно нынѣшніе Соборяне понесли бы на разные лады толки и перетолки, суды и пересуды на одну и ту же тему: какъ ограничить неограниченную власть такимъ образомъ, чтобы она болѣе или менѣе очутилась въ ихъ собственныхъ рукахъ. Это несомнѣнно.

Послѣ того, какъ имперскій періодъ приучилъ всѣхъ къ особенному въ теченіе его сложившемуся строю, по необходимости и Соборъ—хотя бы именовался „земскимъ“—получилъ бы конституціонный характеръ. И современныхъ Соборянъ, собственно говоря, нельзя было бы даже винить въ томъ: въ теченіе имперскаго періода къ тому шло. При имперскомъ строѣ или, что тоже самое, при „абсолютизмѣ“, какъ только „абсолютный монархъ“ не затрудняется болѣе открыто молвить о себѣ „*l'etat—c'est moi*“ по необходимости услышитъ отъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ штату его чиновниковъ, однако жъ, кому не чуждо такъ или иначе завѣдованіе дѣлами: „*le peuple c'est nous*“, и

компромисъ между „l'etat c'est moi“ и „le peuple c'est nous“ становится неизбѣженъ.

IV.

Итакъ, всѣ нынѣ дѣйствующія Учрежденія—будемъ ли разумѣть подъ ними Департаменты и Отдѣленія, или Земскія Губернскія и Уѣздныя Управы, и столичныя Думы — всѣ наши штатные дѣятели „властные“ и „Гласные“ — не только не въ состояннн представить дѣльныхъ соображеній по устройенію въ наше время „Государева-земскаго дѣла“ въ желательномъ смыслѣ, а сами еще, напротивъ того, служатъ тому существенною помѣхой и главнымъ препятствіемъ къ тому.

Такъ же точно, при существующемъ у насъ разладѣ публики съ народомъ, при разладѣ нашей мнимой „интеллигенціи“ съ дѣйствительнымъ разумніемъ многомилліоннаго русскаго народа, вся нынѣ сложившаяся пресса съ ея не только не охраняющей, а *растлвляющей* цензурой — не можетъ способствовать отрезвленію умовъ, дабы могло выработаться правильное общественное мнѣніе по современнымъ вопросамъ, а напротивъ того, производитъ обратное дѣйствіе. За немногими исключеніями редакцій, почитающихъ себя „консервативными“ (по несчастію, не отличающихся даровитостію и переполненными тою казенной благонамѣренностію, которую никто не считаетъ дѣйствительнымъ патріотизмомъ, а сверхъ того, отличающихся наравнѣ съ прочими малымъ знаніемъ русскаго народа), сплошь всѣ газеты и журналы и вся наша уличная литература содѣйствуютъ лишь усиленію въ публикѣ „общественнаго обмана“. И современная пресса, такимъ образомъ, не только не въ состояннн представить правильныхъ соображеній по „государеву-земскому дѣлу“ въ духѣ русскаго народа, а будетъ еще служить, да и служить, въ свою очередь помѣхой и препятствіемъ къ тому.

Въ такомъ безвыходномъ положеннн поневолѣ приходится спросить: какимъ же образомъ приступить къ дѣлу? не говоримъ уже: къ немедленному водворенію по всѣмъ мѣстамъ желаемаго всѣмъ народомъ порядка — народомъ, изнуреннымъ многолѣтнею повсемѣстной неурядицей, а какъ — говоримъ — приступить къ правильной постановкѣ самаго вопроса о томъ? Чтобы дать отвѣтъ на это, требуется прежде всего рѣшить: по какому же изъ Вѣдомствъ всего болѣе накопилось зла, пресѣченія коего нельзя долѣе откладывать ни на минуту? Въ чемъ же заключается главная коренная причина нынѣшняго безпримѣрно-хаотическаго состояннн, которое на всемъ протяженнн имперіи сказывается въ наши дни повсемѣстно, на всѣхъ путяхъ жизни?

Многоразличны неисправности и непорядки въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Было бы слишкомъ долго перечислять даже крупнѣйшія изъ нихъ по всеѣмъ учрежденіямъ, годившимся въ имперскій періодъ, пока въ теченіе его длилось *крѣпостное право*, и болѣе непригоднымъ, разъ оно миновало навсегда.

Всеѣ Вѣдомства, воплощенные у насъ Министерствами, оказываются болѣе или менѣе требующими коренныхъ преобразованій въ наши дни, начиная хотя бы даже съ Военнаго. Но, минуя общій ихъ пересмотръ, довольно для примѣра упомянуть лишь кратко хотя о министерствѣ „Юстиціи“ и „Народнаго Просвѣщенія“, дѣятельность которыхъ наиболѣе соприкасается съ народной жизнью.

Повѣритъ ли кто, что по Вѣдомству Юстиціи у насъ представляетъ совершенный пробѣлъ и рѣшительную пустоту одно изъ главныхъ и существеннѣйшихъ отпращиваній Юстиціи! Мало сказать: упущена изъ виду, а принципиально не допускается, совершенно отсутствуетъ функція, ей-же имя на юридическомъ языкѣ „*мѣры предупрежденія и пресѣченія преступлений*“, съ чѣмъ въ связи и другой рѣшительный пробѣлъ правосудія: „охраненія общей тишины и спокойствія“. Банально отвѣчаютъ на это банальные же юристы: „правда, полиція у насъ слаба, требуется усилить полицію“. Но тутъ дѣло не въ этомъ. Допустимъ, что полиція у насъ не только слаба, а—собственно говоря—ея еще и въ заводѣ нѣтъ, каковою она должна быть. Особливо это должно сказать по примѣненію къ нашей сельско-уѣздной жизни. Но тутъ вопросъ не въ этомъ, а существенная ошибка опять таки состоитъ въ томъ, что, пока существовало *крѣпостное право*—ужь оно и составляло само по себѣ цѣлую правительственную систему, а разъ оно было отмѣнено, нельзя болѣе „по охраненію тишины и спокойствія“ обходиться бюрократическими учрежденіями въ родѣ *Губернскихъ Правленій* и тому подобными.

Ошибка тутъ заключается въ томъ, что у насъ вовсе нѣтъ надлежащей Администраціи. Мнимое подобіе оной (въ лицѣ Губернаторовъ) находится никакъ не въ связи съ неумолкающими потребностями мѣстной народной жизни и нисколько не отвѣчаетъ административной системѣ, каковою она должна была быть для блага мѣстныхъ народонаселеній, а связуется лишь съ общей же бюрократической системой, которая всюду господствуетъ надъ народомъ въ собственныхъ своихъ видахъ и довлѣетъ лишь самой себѣ. При такомъ строѣ, наша Юстиція является даже не только не въ союзѣ, а еще какъ бы въ антагонизмѣ съ чиновною Администраціей и находится съ ней въ оппозиціонной борьбѣ.

Какъ сама губернаторская власть ничуть не защищаетъ мѣстнаго населенія, вовсе не охраняетъ безопасности лицъ и общаго спокойствія, а служить лишь бюрократическимъ аппаратомъ для поддержки соперничающаго съ „Юстиціей“ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, такъ же и „Юстиція“ по вопіющимъ потребностямъ объ охраненіи мѣстныхъ населеній отказываетъ въ правосудіи народу.

Судъ, завѣдываемый министерствомъ Юстиціи, не входитъ въ заботы охранять тишину и спокойствіе мирныхъ гражданъ: общее благо населеній или общій среди нихъ безпорядокъ, хотя бы вопіющій, вовсе не касается чиновниковъ Юстиціи. Судъ, по самому существу дѣла, караетъ лишь совершившіяся преступленія и уже учиненное нарушеніе правъ. А то, что составляетъ связь между Администраціей и Судомъ, — именно „охраненіе тишины и спокойствія мѣрами предупрежденія и пресѣченія преступленій“, — вовсе не существуетъ у насъ. Похвальба злодѣя съечь имущество или даже уничтожить своего противника, всяческія угрозы и насилія весьма обиходныя и существенно-внушительныя въ житейскомъ быту, — вообще терроризмъ всякаго рода всѣхъ неблагонамѣренныхъ членовъ или даже отщепенцевъ общества — одинаково не касаются у насъ ни Юстиціи, ни Администраціи. Обѣ эти стороны отказываютъ у насъ въ правосудіи терпящимъ зло по этой части. На все подобное правосудія у насъ нѣтъ и, собственно говоря, при современномъ бюрократическомъ строѣ быть не можетъ.

Что Судъ составляетъ лишь часть охраны земскаго мира, — и даже не всегда главную часть той охраны мира, собственности и личности въ мѣстномъ мірскомъ околоткѣ, въ силу чего подобному Суду дается названіе *мироваго*, въ немъ же именно и нуждается, главнымъ образомъ, всякій мірской околотокъ — этого никакъ не поймутъ анти-земскіе люди. Что нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не возможно отсутствіе мѣстной распорядительной власти, — что не нужно и вредно раздѣлять безусловно судебную и административную власть въ низшихъ инстанціяхъ и только при ихъ сліяніи возможно то серьезное мѣстное самоуправленіе, при коемъ администрація избавилась бы отъ своего чиновнаго характера — этого у насъ не понимаютъ. Что для удовлетворенія самыхъ вопіющихъ потребностей окружающаго быта, для разрѣшенія ежеминутныхъ случаевъ жизни, въ которыхъ перепутаны всѣ элементы и судебныя, и полицейскіе, и административныя, — сказать короче: что для охраны и защиты земскаго мира нужны совсѣмъ не нынѣ дѣйствующія „Земскія учрежденія“ — этого, разумѣется, никогда и не захотятъ понять нынѣшніе „Гласные“ и ихъ Губернскія и Уѣздныя Земскія Управы, — ни нынѣшніе такъ называемые „Мировые“ Судьи.

Администрація, не зачинаюшаяся мѣстно по всякому изъ мірскихъ околотковъ для проявленія себя въ надлежащей силѣ въ мировомъ участкѣ, и Судъ, оторванный отъ мѣстныхъ нуждъ мѣстной администраціи—мертвая буква и самого Суда и самой Администраціи.

Много вкралось, и доселѣ вносится, фальшиваго въ юридическіе инструменты, изготовленные и вновь сооружаемые нашимъ министерствомъ Юстиціи. Но этотъ пробѣлъ существенной функціи, составляющей душу живую и необходимую связь—какъ души съ тѣломъ—Суда и Администраціи,—пробѣлъ существенной функціи Правосудія относительно „*мѣръ предупрежденія и пресѣченія преступленій въ видахъ охраненія тишины и спокойствія*“—характеристическая черта нашей нынѣ дѣйствующей у насъ обще-бюрократической системы.

VI.

Что касается до „*Министра Народнаго Просвѣщенія*“—да позволено будетъ не обинуясь сказать: одно ужъ его названіе обличаетъ вопіющую ложь въ основѣ, что и сказывается многжайшими послѣдствіями въ общемъ строѣ криво поставленнаго у насъ учебнаго дѣла.

„Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“—и ничто кромѣ. Знаніе ариѳметики, географіи и прочее, разумѣется, необходимо,—и безъ обученія наукамъ въ государствѣ обойтись нельзя. Но школьное образованіе, хотя бы и высшее, не можетъ быть названо „Просвѣщеніемъ“. Пока знаніе ариѳметики, географіи и проч. будутъ величать „просвѣщеніемъ“—до тѣхъ поръ будутъ находиться въ томъ заблужденіи, что всякій человѣкъ отъ природы лишенъ Божіей искры и только съ приобрѣтеніемъ „научныхъ знаній“ дѣлается нравственнымъ. Это—вопіющая ложь и пагубное заблужденіе. Такъ думали лишь Мараты и Робеспьеры во дни великой французской Революціи.

Простое невѣдѣніе—весьма естественное, на примѣръ, въ сельскихъ массахъ—само по себѣ еще не составляетъ зла. Страхъ Божій, къ счастью, свойство не риторовъ и грамматиковъ, а благочестивыхъ душъ. Хотя безграмотные и не ухищрены книжнымъ ученіемъ, за то и не испорчены имъ. Книжное ученіе не выростило для нихъ пшеницы: не наплодило однакожь и плевель. А бѣда въ томъ, что, какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ переимѣшивается правда съ кривдой и добро борется со зломъ—то же повторяется и съ книжнымъ ученіемъ. Оно родитъ не только пшеницу, но содѣйствуетъ и росту плевель,—не всегда улучшаетъ нравы, а случается и портитъ ихъ. Лживое мнѣніе, что знаніе ариѳметики, географіи и проч. содѣйствуютъ нравственности людей, а безъ научныхъ знаній они—

„яко скоты несмысленные“,—это мнѣніе, унаслѣдованное еще отъ эпохи именно французской „великой“ революціи,—особенно было распространено у насъ во дни императора Александра I, которымъ были учреждены и сами „министерства“.

Тѣмъ не менѣе, однако, школы и университеты, дѣйстви-тельно, необходимы; въ наши дни они даже болѣе необходимы, чѣмъ когда-либо прежде, ибо „дни лукави суть“. Чѣмъ болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ „наука и образованность“, а на первой стадіи обученіе самой грамотности, становятся орудіемъ политической пропаганды и соціальнаго шантажа, прямо ска-зать: плодятъ грамотниковъ и ученыхъ людей на зло и во вредъ человѣчеству—тѣмъ болѣе должно, съ другой стороны, усили-вать и плодить грамотниковъ и образованныхъ людей—на добро людямъ. Ибо противъ грамотныхъ и ученыхъ борцевъ, нару-шающихъ общее спокойствіе, уже въ наши дни неграмотные и необразованные люди больше не годятся.

Итакъ, должно плодить школы и университеты для умно-женія грамотниковъ и ученыхъ, ратующихъ во славу Божію и на добро человѣчеству—противъ стремящихся къ противопо-ложному; но надо отказаться отъ лживой идеи, что само по себѣ знаніе ариѳметики и географіи содѣйствуетъ нравственности людей, исправляетъ „скотоподобныхъ, яже горше звѣрей осу-ждены суть“, и злодѣевъ обращаетъ въ ангеловъ. Самое уже появленіе цивилизаторовъ, въ родѣ Марата и Робеспьера, служить явнымъ доказательствомъ тому.—Но кромѣ подобной *несосто-ятельности въ существѣ* учрежденія, носящаго именованіе „Ми-нистерства Народнаго Просвѣщенія“, самое образованіе юно-шества поставлено имъ у насъ—криво. Не касаемся общей многосложности учебнаго дѣла, минуемъ вопросъ о такъ назы-ваемомъ профессиональномъ образованіи и проч., говоримъ лишь въ общихъ чертахъ.

При правильномъ взглядѣ на „образованіе“, когда подъ нимъ разумѣютъ грамотность и знаніе наукъ, а не смѣшиваютъ его съ „просвѣщеніемъ“—разумѣютъ съ тѣмъ вмѣстѣ три степени учебнаго дѣла, три ступени образованности. И сколько бы родъ человѣческой ни „развивался“, этихъ степеней не прибавится и не убавится,—ихъ только три. Вотъ эти три степени. Всѣ жи-вые существа, родясь на свѣтъ, достигаютъ мѣры предоставлен-наго имъ роста, какъ велитъ сама природа: ни вовѣки вѣковъ люди не будутъ рождаться грамотными на свѣтъ! Возростаетъ и человѣкъ, какъ дано природой по роду его; родясь, онъ, есте-ственно, „не ученъ, не грамотенъ“: школьное образованіе при-обрѣтается школой. Первая степень образованія въ томъ и со-стоитъ, что неграмотный отъ природы научается грамотѣ: чи-тать и писать. Этимъ для него и открывается возможность обу-чаться наукамъ. Вмѣстѣ съ навыкомъ читать и писать, ученикъ

на той же первоначальной ступени научается счету и мѣрѣ (первоначатка математики), такъ же молитвамъ и заповѣдямъ Божиимъ (первоначатки богословскихъ знаній). Это—первоначальная школа: вооруженному всѣми знаніями, которыя даетъ эта первоначальная школа, открыта дверь для дальнѣйшаго „образованія“.

Вторая ступень составляетъ уже знаніе собственно такъ называемыхъ *наукъ*. Ихъ много или мало—смотря по тому: въ какой подробности разсматриваются научные предметы и какъ специализируются въ особые отдѣлы; тѣмъ не менѣе, однако, ихъ можно сосчитать по пальцамъ: математика, географія, физика и проч. Такъ какъ знаніе языковъ входитъ въ кругъ образованности, а древніе языки *греческій* и *латинскій* принадлежали народамъ, достигшимъ всемірнаго значенія для воспринятія христіанства и проповѣдыванія его во всемъ человѣчествѣ, то въ связи съ тѣмъ и самое языкознаніе должно болѣе или менѣе входить въ общій кругъ при приобрѣтеніи научныхъ знаній. Тѣмъ болѣе, что древніе греки и латины, именно по своему всемірному значенію, оставили образцы такихъ произведеній ума человѣческаго, которые остаются безсмертными для всѣхъ же вѣковъ: притомъ, во всѣхъ же областяхъ человѣческаго знанія, они врѣзали столь неизгладимые слѣды своей дѣятельности, что самыя названія наукъ и многіе установившіеся въ нихъ термины и даже тезисы заимствованы прямо отъ нихъ. Что касается до языковъ, впрочемъ, то живымъ предпочтительнѣе научаться изъ практики,—а древнимъ—потому уже именно, что то языки мертвые, слѣдовательно, сама ихъ грамматика кристаллизовалась неизмѣнно и составляетъ предметъ точной науки—именно древнимъ языкамъ и должна учить школа. Знаніе древнихъ языковъ—въ общемъ курсѣ образованія—настолько и необходимо, насколько обученіе греческому и латинскому воочію открываетъ общечеловѣческое всемірное значеніе говорившихъ на этихъ языкахъ великихъ народовъ, явившихся въ человѣчествѣ пріятными христіанство для всемірной проповѣди его. Что сверхъ того въ этихъ языкахъ—это уже составляетъ роскошь „учености“, а не вообще „образованныхъ людей“.

Что же касается до наукъ собственно такъ называемыхъ, излишняя специализація, съ которою безъ конца плодятъ отдѣльныя науки, заставляя ихъ одна у другой отхватывать цѣлыя области, сама по себѣ уже указываетъ, что всѣ вообще науки смежны между собой. Разумность ихъ размножающихся рубрикъ еще весьма подлежитъ спору. Уже совершенно достаточно остановиться на томъ общепризнанномъ циклѣ наукъ, коего рубрики безспорны и, по возможности, опредѣлены съ аподиктической точностью. Во всѣхъ же этихъ наукахъ то самое и подлежитъ вѣдать образованному человѣку, что въ нихъ состав-

ляеть полную же достовѣрность, установленную аксіоматически.

Наконецъ, третья степень—уже верховная ступень научнаго знанія—составляетъ не только грамотность и не только образованность, а собственно *ученость*. Если для образованнаго человѣка вполнѣ довольно знать всѣ науки, признанныя за таковыя по неоспоримымъ рубрикамъ,—а въ этихъ наукахъ все, что добыто уже съ достовѣрностью аксіоматической—то для учености этого мало.

Отъ ученаго требуется знаніе высшее въ томъ смыслѣ, что ему должны быть знакомы всѣ *да* и *нѣтъ* теорій каждой изъ изучаемыхъ наукъ, полемика и апологія этихъ *да* и *нѣтъ*,—сама литература и исторія изучаемыхъ наукъ,—точное знаніе предѣловъ, на которыхъ остановилось универсальное въ ихъ области знаніе и преднамѣченность будущаго развитія для движенія знанія впередъ. Этого никто не въ правѣ требовать отъ образованнаго человѣка; но если тотъ или другой изъ ученыхъ окажется безправенъ отвѣчать на это: ученый такого рода никому не нуженъ и ни на что не годится.

Принято обыкновенно три эти степени приурочивать у насъ какъ бы такъ: грамотность почитать принадлежностью приходской школы, образованность—гимназіи, а ученость относить къ университету. Но такъ, собственно говоря, надлежало бы быть; а на самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ. Самое названіе „образованія“ низшимъ, среднимъ и высшимъ—какъ оно утвердилось въ обиходѣ нашего министерства Народнаго Просвѣщенія—ошибочно уже само по себѣ, и даетъ постоянный поводъ къ лживымъ толкованіямъ. Если подъ гимназическимъ ученіемъ, дѣйствительно, разумѣютъ знаніе всѣхъ наукъ общаго цикла, а въ нихъ знаніе всего того, что каждая изъ такихъ наукъ уже вѣдаетъ въ качествѣ аксіомы—тогда и терминъ „среднее образованіе“ не годится. Въ такомъ случаѣ, прямо сказать, гимназія даетъ уже полное образованіе молодому человѣку; назовите его, пожалуй, „общимъ образованіемъ“, но *среднимъ* его назвать нельзя. Такъ называемыя у насъ „среднія учебныя заведенія“, куда именно и относятся гимназіи,—если они только организованы правильно и цѣлесообразно, должны давать полное образованіе; университету же и академіямъ принадлежить *ученость*.

Но у насъ по обиходной практикѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и принятой въ руководство прочими министерствами (такъ напримѣръ министерствомъ Финансовъ въ недавнее время, при предшественникѣ нынѣшняго министра)—кончившій курсъ въ гимназіи почитается недорослемъ, а образованнымъ человѣкомъ предполагается лишь окончившій курсъ въ Университетѣ. Выходитъ, такимъ образомъ, что получающіе образованіе въ гимназіяхъ, должны краснѣть до ушей отъ титула „кончив-

пій курсъ въ гимназій“,—ибо, объявивъ о томъ во всеуслышаніе, боятся услышать въ укоръ: „значить, вы не получили высшаго образованія“! А гдѣ же и получить его, когда въ университетахъ уже требуется ученость, а не собственно такъ называемое „образованіе“?

Можно утвердительно сказать, что молодые люди воспитывающіеся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и оканчивающіе тамъ курсъ, стократъ счастливѣе гимназистовъ, достигающихъ по окончаніи курса лишь титула: „не получившихъ высшаго образованія“. Такое положеніе дѣлъ ни съ чѣмъ не сообразно и столь же вредно для гимназій, какъ и для самихъ университетовъ.

Представимъ себѣ, напримѣръ, чтожъ бы такое было, еслибъ избирающіе себѣ дорогу по духовному вѣдомству, по окончаніи курса въ семинаріяхъ не получали бы мѣсть служенія, а для того потребовалось бы еще пройти курсъ Духовной Академіи? Стѣны ломились бы Духовныхъ Академій отъ аспирирующихъ быть служителями алтарей—точь въ точь какъ нынѣ ломаются стѣны университетовъ отъ вторгающихся туда тысячъ народа, конечно, не для науки, а лишь для полученія дипломовъ.

Правильно-ли это, что у насъ такъ называемыя „среднія учебныя заведенія“, то есть гимназій, призванныя давать юношамъ полное „общее образованіе“, на самомъ дѣлѣ даютъ какую то *середку на половину*, какое то *среднее ни то ни се*, чего само Правительство не почитаетъ за „образованіе“? Всѣ ли, однакожъ, „образованные люди“ должны быть непременно учеными? и въ правѣ ли мы даже требовать отъ получившихъ „общее образованіе“,—а таковы именно всѣ кончившіе курсъ гимназій,—чтобы они, сверхъ того, стремились къ „учености“, давать которую лежитъ на обязанности университетовъ.

Но „учености“, увы! и нѣтъ въ нашихъ нынѣшнихъ университетахъ. На то много причинъ, и есть весьма важныя и роковыя: историческія причины. Главная состоитъ въ томъ, что какъ истинной образованности вообще, такъ истинной же „учености“ въ особенности—нельзя малограмотной и малообразованной странѣ взять напрокатъ у другихъ народовъ. На первыхъ порахъ, когда послѣ триумфа побѣдъ и украшенія сѣверной столицы „*трофеями, нарицаемыми монументы*“, мы не въ шутку возмнили себя „къ обществу политическихъ народовъ присовокупленными и изъ небытія въ бытіе произведенными“, простительно было вскорѣ и похваляться нѣкоторое время уже и тѣмъ, что „можетъ собственныхъ Платоновъ російская земля рождать“. Но когда подобная похвальба уже достигла зенита, еще Пушкинъ и Гоголь открыли всѣмъ глаза, содѣйствовавъ пробужденію нашего народнаго самосознанія. Первый внятно растолковалъ обществу, что черезъ реформу

Петра мы отъ Котошихинскаго боярства перешли только къ „Евгенію Онѣгину“—выигрышъ не очень огромный! А второй, Гоголь, растолковалъ тоже весьма внятно, что провинціальная Россія за тоже время переполнилась типами „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“. Послѣ такого перелома въ народномъ самознаніи наша „образованность“ и „ученость“, естественно, даже и теперь, если и зачалась или начинается мало-по-малу, находится однако еще въ эмбриологическомъ процессѣ. „Науки“ и „учености“, повторяемъ, нельзя взять напрокатъ у другихъ народовъ—(какъ напримѣръ, берутся пушки и корабли, покупаемыя на деньги);—надъ ними надо потрудиться самостоятельно и самобытно. Таковы общія причины бесплодности нашихъ—*honny soit qui mal y pense*—университетовъ и академій.

Но кромѣ такихъ важныхъ историческихъ причинъ есть и болѣе простыя въ объясненіе современной скудости нашихъ „*высшихъ учебныхъ заведеній*“. Одною изъ таковыхъ, между прочимъ, и является то самое, въ силу чего общее образованіе, получаемое въ гимназіяхъ, въ житейскомъ нашемъ обиходѣ почитается недостаточнымъ, и предполагается еще какое-то другое высшее образованіе, тогда какъ никто же серьезно не почитаетъ эту *высь*—за ученость въ самомъ дѣлѣ. Но если это не ученость въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова... тогда что это такое? Это такъ-называемое „интеллигентное развитіе“: вотъ безъ него-то общее образованіе гимназическаго курса и полагается недостаточнымъ. И правду надобно сказать, послѣ общаго упадка наукъ, совершившагося и замѣчавшагося всѣми еще послѣ сороковыхъ годовъ прошлаго XIX вѣка во всей Европѣ, у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо отразились печальныя послѣдствія такого всеевропейскаго явленія. Каѳедры въ нашихъ университетахъ обратились мало-по-малу вовсе не въ „каѳедры наукъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, а именно въ каѳедры того „развиванія молодежи“, которое ввелось въ моду, именно, какъ неизбежное послѣдствіе упадка наукъ. Это то самое „развиваніе“, о которомъ въ нынѣшніе дни вождѣлѣваютъ уже и учителя „народныхъ училищъ“, сожалѣющіе, напримѣръ, о томъ, что русская орѳографія обязываетъ писать грамотно, а не безграмотно, съ твердымъ знаніемъ употребленія буквъ *ѣ* и *ѝ*. Подобные педагоги „народныхъ училищъ“ ходатайствуютъ въ наши дни объ упрощеніи русскаго правописанія до полной безграмотности—лишь бы черезъ то имѣть въ народной школѣ больше свободныхъ часовъ для того, чтобы „развивать“ малолѣтковъ по своимъ собственнымъ соображеніямъ а не „*перетуомлять*“ ихъ затруднительными для самихъ учителей упрямыми буквами Кириллицы.

Кстати сказать, „*перетуомленіе*“ школьниковъ приходской ли школы, гимназистовъ ли, студентовъ ли — происходитъ не отъ

трудности и сухости какихъ бы то ни было наукъ (хотя бы по предмету столь элементарному, какъ правописаніе)—а отъ тупости и сухости, отъ мертвенности самихъ педагоговъ, обращающихъ дѣло науки въ ремесло цеховаго. Отдѣльные личности—какъ между учителями школъ и гимназій, такъ и между профессорами университетовъ, могутъ быть у насъ и въ нынѣшніе скудные дни—превыше учителей и профессоровъ средняго уровня всѣхъ странъ міра. Но мы говоримъ объ общемъ у насъ явленіи, а не про блестящія исключенія: о рядовыхъ педагогахъ въ нашихъ университетахъ. При полной научной несостоятельности, явно у нихъ написанной даже въ глазахъ, такъ и прыщеть отъ нихъ, съ ногъ до головы, самодовольствомъ своего *европейства*: *suffisence* невѣроятное! Въ ихъ-то лекціяхъ „цеховая наука“ дошла, наконецъ, до того, что мертва и бесполезна, какъ соль, утратившая соленость. И это еще сполгоря: а нестерпимѣе того другое зло. Подобныя „кафедры наукъ“ рискуютъ уже напоследокъ обратиться—какъ вездѣ, такъ и у насъ—въ низины чисто-фельетонной литературы, по вымъ дѣйствіямъ человѣчества“ и т. п. гдѣ эволюція прямо „механикъ общественныхъ идеаловъ по отношенію къ массодѣламъ проповѣдь о такъ называемой „соціологіи“ или еще утконоса и далѣе до человѣка; по словесному и прочимъ отмѣръ, проповѣдь о такъ называемой эволюціи бациллы въ нихъ политическихъ партій. По естествовѣдѣнію это, наприпуляризирующей только разныя ученія въ видахъ борьбы разуже совпадаетъ съ революціей. Для истинно-жаждущихъ высшаго образованія, ищущихъ не диплома, а удовлетворенія любознательности, теряющейся въ наши дни среди ломки вѣковыхъ идеаловъ и распространяющагося скептицизма, для надѣющихся въ учености найти разрѣшеніе своихъ сомнѣній—увы, наши университеты что-то не даютъ успокоенія молодымъ умамъ. Повидимому, какъ будто даже напротивъ: они содѣйствуютъ не успокоенію молодежи, а волненіямъ среди нея въ наши дни. Это-ли знакъ „учености“, плодимою „вышними“ учебными заведеніями? Ясно, что они не даютъ „учености“ и при нынѣшнемъ состояніи не могутъ давать „ученыхъ“: ихъ не становится болѣе въ самихъ профессорахъ, обратившихся въ „цеховыхъ научныхъ“.

Насколько сухъ и мертвенность такого рода составляетъ у насъ роковое послѣдствіе множайшихъ историческихъ причинъ и условій, копившихся не одно столѣтіе, разумѣется, не могутъ они быть и исправлены мгновенно.

Но существуютъ и нѣкоторыя соціальныя условія, причиняющія замѣшательства въ дѣлѣ „образованія“ такого рода, что требуютъ немедленнаго исправленія. Довольно указать, напримѣръ, на ни съ чѣмъ не сообразное существованіе чи-

новъ 14-ти классовъ, на которые дѣлится у насъ вся штатная публика, — на льготы и привилегіи по получению должностей по *дипломамъ*; а при ихъ уничтоженіи — допустимъ, относительно университетовъ — на существованіе льготныхъ и привилегированныхъ заведеній, тѣхъ самыхъ, которыя такъ незаслуженно пользовались этими льготами и привилегіями противъ всѣхъ университетовъ и т. д. и т. д. Пока не измѣнится во многихъ отношеніяхъ нашъ социальный строй надлежащимъ образомъ, не управится и „Министерство Народнаго Просвѣщенія“ съ учебною реформой.

VII.

Какъ ни велики однако жъ симптомы несостоятельности обоихъ разсмотрѣнныхъ вѣдомствъ — и Юстиціи, и Народнаго Просвѣщенія, но главная бѣда еще не въ сихъ двухъ. Опасность, наиболѣе угрожающая нашему расшатанному быту, состоитъ въ другомъ. Главный и существенный камень преткновенія въ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ для упорядоченія нашихъ внутреннихъ дѣлъ — это само „Министерство Внутреннихъ дѣлъ“.

Понятно почему такъ.

Тогда какъ прочіе функционируютъ по такимъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ, которыя какъ ни назовите — составляютъ, дѣйствительно, спеціальныя отдѣлы, напротивъ того, наше Министерство Внутреннихъ дѣлъ функционируетъ за всю внутреннюю жизнь страны, вмѣсто живыхъ силъ народа, тщетно пытаясь замѣнить ихъ собою. Оно не всматривается въ самую суть и во всѣ изгибы народной жизни; вмѣсто того, чтобы регулировать въ видахъ общегосударственной пользы поступающіе снизу запросы мѣстныхъ населеній, оно творитъ никѣмъ непрошенныя регламенты по предметамъ, вовсе не нужнымъ ни одному изъ мѣстныхъ населеній, командуетъ ими по собственному вдохновенію и „благоустроиваетъ“ лишь въ видахъ собственнаго бюрократическаго интереса, заставляя ихъ мыслить, жить и дѣйствовать по своей бюрократической указкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое „Министерство Внутреннихъ дѣлъ?“ Во всѣхъ странахъ міра, гдѣ только заведены „Министерства“, гдѣ они своеобычны, а не занесены съ чужи, — оно есть, собственно говоря, министерство полиціи, — и ничего больше. „*Ministre de l'Interieur*“ и „*Ministre de la Police*“ на всѣхъ языкахъ синонимы. Да! какъ военное дѣло или финансовое, какъ обученіе въ странѣ, какъ юстиція въ ней, пожалуй, и полиція можетъ быть выдѣлена въ особое вѣдомство. Это еще понятно. Такъ и заведено повсюду: завѣдующій Министер-

ствомъ Внутреннихъ дѣлъ вездѣ и считается собственно министромъ полиціи. Не то въ Россіи.

У насъ „Министерство Внутреннихъ дѣлъ“, нѣчто другое, нѣчто совершенно особенное—едва-ли гдѣ и слыханное, и виданное, кромѣ какъ у насъ. Оно само функционируетъ за цѣлую Россію, за всю внутреннюю жизнь Русской Земли и народа. Довольно указать, что къ этому полицейскому учрежденію причислены функціи, требующія на самомъ дѣлѣ какихъ угодно агентовъ, но никакъ не полицейскихъ чиновниковъ: функціи, для надлежащаго отправленія которыхъ требуются живыя силы самого народа, и сущность которыхъ составляетъ уже творчество самой народной жизни. Требуемое и искомое въ этой средѣ не можетъ быть никоимъ образомъ предоставлено творчеству канцелярій.

Функционируя въ качествѣ творческой силы за всю страну, наше Министерство Внутреннихъ дѣлъ, если бѣ даже и желало прислушиваться ко мнѣнію, нуждамъ и потребностямъ страны и народа не могло бы этого исполнить: при современномъ положеніи ему неоткуда о томъ взять и слуховъ. Если бы дано было (что и начиналось само собой на первыхъ порахъ послѣ эмансипаціи) образоваться у насъ настоящему земскому строю, тогда только была бы и возможность знать, въ чемъ заключаются мѣстные нужды, дѣйствительныя, а не мнимыя нужды народа? но послѣ того *„бюрократическая система втянула въ себя начатки другого рода организаціи, изгладила единственное исключеніе изъ бюрократическихъ порядковъ и возстановила единство бюрократической системы“*, говоря словами Каткова, а проще сказать, послѣ приведенныхъ въ дѣйствіе умоначертаній и мѣропріятій такихъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, какими въ реформенную эпоху были Валуевъ, Тимашевъ и т. п., вдребезги были разбиты и въ конецъ были разрушены добрые всходы зачинавшася было настоящаго земскаго строя. По уничтоженіи мировыхъ посредниковъ и по разрушеніи сельскихъ мировыхъ участковъ, съ тѣмъ вмѣстѣ при выпускѣ нынѣ дѣйствующихъ „Земскихъ учреждений“ — заглушенъ былъ голосъ народонаселенія и вообще всѣхъ мѣстныхъ людей о томъ, въ чемъ ихъ насущная потребность, и какого упорядоченія всюду по мѣстамъ требуютъ мѣстные нужды. Взамѣнъ того, дано было право „выбирать гласныхъ“ и, обезглавивая черезъ то все остальное населеніе, этимъ избраннымъ и давалось политическое право быть „les représentans“, представителями цѣлаго народонаселенія. Этимъ же охотникамъ драпироваться въ плащъ политическихъ представителей предоставлялось вволю парламентировать о грамотности и школахъ, о борьбѣ съ сусликами и вредными насѣкомыми, о благотворительныхъ заведеніяхъ и проч. При томъ подана была еще и лестная надежда, что нѣ-

которые изъ нихъ, вызываемые изъ уѣзда въ губернію, будутъ изъ себя изображать палату депутатовъ, взаимодействуя съ петербургскою же палатою лордовъ. Удивительно-ли, что съ тѣхъ самыхъ поръ всѣ вопросы школьные или объ урожаяхъ пшеницы, или о врачебной помощи и проч. служатъ лишь поводомъ упражняться въ парламентскихъ преніяхъ и добиваться роли форменныхъ депутатовъ? Программы же подобныхъ депутатовъ, по шаблонному либерализму мнимой интеллигенціи, вполнѣ сходятся съ творчествомъ самихъ бюрократическихкихъ сферъ, не сомнѣвающихся, въ качествѣ интеллигентовъ, что народныя нужды имъ болѣе извѣстны и знакомы, чѣмъ самому народу; а народъ обязанъ подчиняться имъ и слушаться ихъ по субординаціи.

При такомъ фальшивомъ инструментѣ фальшиваго общественнаго мнѣнія, каковы нынѣ дѣйствующія „Земскія Учрежденія“—возможно ли пробиться воплямъ народа? Интеллигенты требуютъ обязательной грамотности для всей массы сельскаго населенія, заведенія телефоновъ и грамофоновъ по деревнямъ, гражданскихъ правъ мірянамъ по X-му тому,—а о чемъ народъ просить и молить, чего наконецъ требуетъ—это никому не въ примѣту. Наши внутреннія дѣла—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ милліоны крестьянъ всѣхъ наименованій сведены были разъ навсегда на консолидированные надѣлы и подвергнуты обязательствамъ выкупной операціи—остались и остаются никому незрими по своимъ нуждамъ, и пребываютъ въ полномъ затѣнѣ, въ совершенной неизвѣстности, по своему быту, для правительства, для общества, для прессы официальной и неофициальной. Наравнѣ съ высшими сферами, замыкающими у насъ бюрократическую систему, ужъ и „Земскія учрежденія“ въ свою очередь успѣли образовать у насъ то „средостеніе“, которое не допускаетъ живому голосу народа услышаннымъ быть наверху. А мѣропріятія и умоначертанія—вовсе не нужны народу—сыплются, какъ изъ рога изобилія, на него постоянно—въ равной степени, какъ изъ „министерскихъ“, такъ и „земскихъ“ бюрократическихкихъ сферъ.

VIII.

Возможно ли однако жъ какому бы то ни было учрежденію функционировать за всю внутреннюю жизнь страны и народа? Пусть такъ, но тогда по необходимости оно перестанетъ быть „министерствомъ Полиціи“. А что министерство внутреннихъ дѣлъ и есть нечто другое, какъ Министерство Полиціи—эту азбучную истину не отрицаетъ и нашъ Сводъ Законовъ. Позволительно спросить поэтому, совмѣстима ли съ полицейскою дѣятельно-

ностью забота о такихъ дѣлахъ, которыя никоимъ образомъ не вяжутся съ дѣятельностью полицейскихъ агентовъ? Заботясь объ одномъ, по необходимости, они оставляютъ въ небреженіи другое,— и на дѣлѣ окажется, что въ проигрышѣ будетъ и то, и другое. Нашему Министерству Полиціи, зовоному „Внутреннихъ Дѣлъ“, подлежатъ между прочимъ такія дѣла, которыя вовсе не удосуживаютъ его заниматься существенною и главною обязанностью своей по отправленію полицейскихъ функцій. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, такія дѣла, какъ пересмотръ законодательства о крестьянахъ—одно ужъ это можно ли производить *между прочимъ*? Кромѣ того, хозяйственный Департаментъ—функція также весьма эластичная. Далѣе Земскій Отдѣлъ и кромѣ того особое Отдѣленіе по дѣламъ, такъ называемыхъ „Земскихъ Учрежденій“, еще далѣе: переселенческое управленіе и прочее, и проч., чему министерство и плодитъ все новые и новые то Департаменты, то Отдѣленія, то Отдѣлы, то Комитеты, то Комиссіи—безъ конца.

Кромѣ другихъ горестныхъ послѣдствій отъ такой неестественной постановки, на дѣлѣ выходитъ еще и то, что у насъ, собственно говоря, вовсе нѣтъ и полиціи. Ея много,—можетъ быть болѣе того количества, которымъ слѣдовало бы ограничить ея штатъ,—но такой Полиціи, какой надлежало бы ей быть, нѣтъ и въ заводѣ. Принявъ на себя трудъ и заботы, несвойственныя никакому учрежденію въ мірѣ, функціонировать за внутреннія силы страны и народа, наше министерство Внутреннихъ дѣлъ, по своему бюрократическому устройству, не способно напослѣдокъ даже функціонировать и въ качествѣ „министерства Полиціи“, чѣмъ по существу должно быть.

Что такое наша полиція при общеполитическомъ строѣ—кому же это неизвѣстно? Слова покойнаго Государя Александра II могутъ служить тому живою иллюстраціей. Послѣ одного изъ покушеній на улицахъ Петербурга, самъ онъ такъ рассказывалъ объ этомъ: „въ меня злодѣй цѣлилъ пистолетомъ, а полиціантъ дѣлалъ подъ козырекъ, отдавалъ мнѣ честь“. Заинтересованная—какъ вообще вся бюрократія—плодитъ себя, разрастается и множится, наша полиція объ этомъ и заботится главнымъ образомъ. Въ этихъ видахъ она даже заинтересована обиліемъ заговоровъ, смуть, подстрекательствъ и т. п., какъ кормомъ своимъ. Безъ того ей нечѣмъ было бы и кормиться. Кому же неизвѣстны анекдоты, какъ въ томъ или другомъ случаѣ, сами агенты Полиціи конструировали и раздували стачки и смуты—лишь бы найти поводъ отличиться своимъ усердіемъ, доказать необходимость своего *raison d'être*, съ тѣмъ вмѣстѣ удвоенія и утроенія своихъ штатовъ?

Наглядный примѣръ того непростительнаго формализма, съ которымъ полиція относится къ отправленію трудныхъ обязан-

ностей своих, довольно привести хоть слѣдующій—изъ временъ дѣятельности уже министра Внутреннихъ Дѣлъ послѣдняго времени, слѣдовательно той поры, когда почему-то утверждали, что Полиція, наконецъ, функционируетъ, какъ должно. Этотъ—нынѣ покойный—министръ, послѣ извѣстныхъ беспорядковъ въ губерніяхъ Харьковской, Черниговской и Полтавской и своего извѣстнаго распоряженія по поводу такъ называемыхъ земскихъ „статистиковъ“ обратился съ секретнымъ циркуляромъ ко всѣмъ Губернаторамъ. Увѣдомляя ихъ о расплотившейся шайкѣ явныхъ слугителей по „земскимъ Учрежденіямъ“ и подпольныхъ агитаторовъ, онъ предписывалъ имѣть строгое наблюденіе за ихъ пропагандой, такъ какъ они во множествѣ повсюду разсѣялись въ народѣ. Ни для кого изъ постоянныхъ сельскихъ жителей не было тогда и тайной, что, дѣйствительно, всюду по селамъ мелькали подобнаго рода подозрительныя личности; мѣстами ихъ даже схватывали сами крестьяне, но не добивались толку, куда ихъ дѣть, и что съ ними дѣлать,—такъ какъ за неимѣніемъ уликъ тому, что они „произвели мятежъ“, уѣздная полиція обыкновенно спѣшила ихъ выпустить на волю, лишь-бы уходили себѣ дальше. Какъ же распорядилась администрація въ лицѣ Губернаторовъ и Полиція въ лицѣ исправниковъ, какъ у насъ доселѣ зовутъ „начальниковъ уѣзднаго полицейскаго управленія“, также и въ лицѣ становыхъ? Всѣ чины администраціи и Полиціи безотлагательно исполнили секретное предписаніе министра Внутреннихъ Дѣлъ. Губернаторы тѣмъ же днемъ предписали „имѣть строгое наблюденіе“ начальникамъ уѣздныхъ полицейскихъ Управленій, а исправники, въ свою очередь, также не теряя минуты, разослали въ такомъ же смыслѣ приказы ко всѣмъ становымъ. Не замедлили съ своей стороны „очиститься передъ начальствомъ“ и становые. Кромѣ обычныхъ, чисто-формальныхъ приказовъ и распоряженій, отданныхъ словесно и письменно Волостнымъ Правленіямъ, коннымъ урядникамъ, сотскимъ и десятскимъ, становые затребовали еще ото всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ подробные списки о „жительствовавшихъ въ ихъ усадьбахъ людяхъ мужскаго и женскаго пола въ качествѣ домашней прислуги“. Списки поваровъ, кухарокъ и проч. цѣлыми томами накопились въ становыхъ квартирахъ. Отъ высшихъ чиновъ администраціи до низжайшихъ чиновъ полиціи всѣ „очистились передъ начальствомъ“: такъ было исполнено секретное предписаніе министра Внутреннихъ Дѣлъ о наблюденіи за пропагандистами, переполнявшими села и веси. Но агентовъ и агентуру подобнаго рода можно-ли не въ шутку считать Полиціей?

IX.

Каковы бы ни были непорядки по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, безспорно они не могутъ подлежать мгновенному исправленію. Но что касается до неестественнаго положенія, въ какомъ состоитъ у насъ Министерство Полиціи, обратившееся въ Учрежденіе, уполномоченное творить законы внутренней жизни русскаго народа—это требуетъ неотложнаго исправленія, въ этомъ самая неотложная потребность текущей минуты, и, что ни день—всякое промедленіе отзовется вящими затрудненіями впереди, усугубленіемъ роковыхъ—быть можетъ уже далѣе и непоправимыхъ—послѣдствій.

Все хаотическое состояніе, въ коемъ очутились наши „внутреннія дѣла“ по отмѣнѣ крѣпостнаго права, при которомъ еще худо ли хорошо ли могли функционировать прежнія учрежденія, — вся теперешняя неурядица заключается въ этомъ именно фактѣ, что учрежденіе, составляющее, по самой сущности дѣла, лишь министерство Полиціи, обратилось у насъ—невѣсть во что, пытающееся замѣнить собою живыя силы народа. Съ самаго того времени, какъ подобное превращеніе пошло въ ходъ и утвердилось впрокъ,—съ тѣхъ дней еще министерствованія Валуева и Тимашева, когда были уничтожены дѣйствительныя мировыя учрежденія съ сельскими мировыми участками и замѣнены нынѣ дѣйствующими учрежденіями, „возстановившими единство бюрократической системы“—наши внутреннія дѣла и доискиваются всячески, просятъ неотступно, молятъ и наконецъ требуютъ себѣ новаго цѣлесообразнаго устройства. Въ этомъ и заключается общая причина повсемѣстнаго недовольства, выражающагося съ *одной стороны* глухимъ ропотомъ волнующихся и смущающихся сельскихъ массъ, болѣе не видящихъ возможности продолжать свое мирное привычное бытіе, а съ *другой стороны* по всѣмъ городамъ громкимъ шумомъ такъ называемаго „общественнаго мнѣнія“, требующаго обратить скамьи Думскихъ и Земскихъ ораторовъ въ парламентскія трибуны и проч. и проч.

Бюрократія никогда сама на себя не занесетъ руку. Никакое бюрократическое учрежденіе—если ему поручать проектъ реформъ—не составитъ ни одной въ ущербъ себѣ, а всегда—хотя бы во вредъ дѣлу—въ видахъ собственнаго самоохраненія. При почившемъ Государѣ Александрѣ III была, на примѣръ, живо почувствована необходимость упорядочить нашъ сельско-уѣздный строй. Лично самимъ Государемъ была предначертана мѣра, которая при ея правильномъ осуществленіи, дѣйствительно, могла бы обратить сельско-уѣздный строй на его настоящую, прямо земскую колею—какъ то было въ счастливую пору,

ясную какъ майское утро, послѣ эмансипаціи. Тогда всѣ наши „внутреннія дѣла“, дѣйствительно, повсемѣстно находились на своихъ мѣстахъ въ сельскихъ мировыхъ участкахъ при мѣстныхъ дѣятеляхъ Мировыхъ Посредникахъ и уѣздныхъ Мировыхъ Сѣздахъ. Того-же всѣ и ожидали при вѣсти о благой мысли Государевой. Но такъ какъ благая царская мысль приводилась въ дѣйствіе начальниками Департаментовъ и Отдѣленій—она была не осуществлена, а эскамотирована посредствомъ министерскихъ канцелярій. Получились тѣ „Земскіе Начальники“, которые, при всемъ властительномъ имени и добромъ желаніи приносить пользу земскому околотку, ничуть не были облечены на то дѣйствительными правами,—а на послѣдокъ—уже при покойномъ министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ—вовсе обращены были въ безправныхъ чиновниковъ, слугъ самого Министерства.

Вообще всѣ работы по всѣмъ реформамъ—за исключеніемъ лишь того времени, когда Царь благоволилъ приступить къ отмѣнѣ крѣпостнаго права—изготавливались и творились бюрократіей. Лишь при эмансипаціи крестьянъ были призваны къ участию въ разработкѣ этого вопроса общественныя силы, люди не состоявшіе у дѣлъ обще-бюрократическаго механизма. Понадобилось на послѣдокъ и совершенно особенное учрежденіе въ новомъ духѣ и еще не виданнаго строя: такимъ именно учрежденіемъ совершенно новаго образца была „Редакціонная комиссія“, во главѣ которой былъ поставленъ пользовавшійся безусловнымъ довѣріемъ Государя—Ростовцевъ. Но по этому-то вопросу объ эмансипаціи крестьянъ и былъ въ свое время рѣшенъ, по возможности, удовлетворительно и благополучно. Если же и остались съ тѣхъ еще поръ въ крестьянскомъ дѣлѣ роковыя погрѣшности и двусмысленные компромиссы, сказывающіеся неблагополучіемъ даже до сегодня—кто-жъ этого не знаетъ, самъ довѣренный Государевъ Ростовцевъ съ дѣятелями, коимъ ввѣрилъ въ свою очередь вести съ собой это дѣло—жаловались еще въ то время, что должны были во многомъ уступать и постоянно мириться на сдѣлкахъ въ виду ожесточенныхъ нападокъ антагонистовъ „освобожденія крестьянъ съ землею“.

Несомнѣнно и въ наши дни, если еще и представляется возможность къ выходу изъ затрудненій для того, чтобы изыскать надежныя средства къ осуществленію благой цѣли упорядоченія „государева—земскаго дѣла“, то никакъ не комисіи и комитеты разныхъ вѣдомствъ, всего же менѣе Департаменты, Отдѣлы и Отдѣленія самого министерства Внутреннихъ Дѣлъ—могутъ это исполнить. Какъ всякое бюрократическое учрежденіе, также и оно никоимъ образомъ само на себя не занесетъ руку. Вопросъ состоитъ именно въ томъ, чтобы безотлагательно ввести это са-

мое Министерство въ должныя границы и надлежащія предѣлы, указавъ ему быть тѣмъ, чѣмъ оно и должно быть по своей сущности: министерствомъ Полиціи—и ничѣмъ больше. Но оно отнюдь не согласится *sua sponte* изъять изъ своего вѣдомства и выпустить изъ своей власти ни пересмотръ законодательства о крестьянахъ, ни хозяйственный департаментъ, ни земскій отдѣлъ, ни переселенческое управление и проч. А между тѣмъ бюрократическое творчество по всѣмъ этимъ перечисленнымъ предметамъ—и плодитъ непрерывное зло, увеличивая не по днямъ, а по часамъ бѣдствія, переживаемыя народомъ. Лучше вовсе прекратить дѣятельность по всѣмъ этимъ предметамъ и на нѣкоторое время пріостановить теченіе подобныхъ дѣлъ, чѣмъ дозволить имъ продолжаться въ томъ же направленіи, какъ они шли до сегодня. Безопаснѣй, говоримъ, пріостановить теченіе и исполненіе такихъ дѣлъ, какъ, на примѣръ, пересмотръ узаконеній о крестьянахъ или о переселеніи ихъ, чѣмъ передѣлывать узаконенія о крестьянахъ и объ ихъ переселеніи вопреки русскому народному на то возрѣнію и въ анти-русскомъ духѣ.

Вопросъ объ упорядоченіи „Государева-земскаго дѣла“, такимъ образомъ, или—что то же самое—о нашихъ „внутреннихъ дѣлахъ“, по мѣрѣ того какъ его разсматривать подробнѣй—становится, повидимому, тѣмъ труднѣй для разрѣшенія и все болѣе внушаетъ серіозныхъ опасеній.

Въ самомъ дѣлѣ, если нельзя положиться для правильнаго его разрѣшенія на компетенцію ни „министерскихъ“, ни „земскихъ“ нынѣ дѣйствующихъ учрежденій, ни на такъ называемое „общественное мнѣніе“, ни на многоглаголаніе всей нашей прессы... кто-жъ, наконецъ, будетъ компетентенъ взять на себя то, что ни одному изъ существующихъ органовъ не подь силу? Или развѣ именно *ad hoc* создать новый органъ? но какой-же?

Х.

Сомнѣнія нѣтъ, если признана будетъ необходимость мгновенно свести Министерство Полиціи въ должныя границы, а такіе отдѣлы, какъ хозяйственный и земскій, и такіе предметы какъ пересмотръ узаконеній о крестьянахъ и объ ихъ переселеніи признать не подлежащими вѣдѣнію Полиціи,—то для упорядоченія ихъ понадобится не тотъ или другой бюрократическій-же органъ, а новый, въ родѣ именно той Редакціонной Комиссіи, во главѣ которой нѣкогда стоялъ Ростовцевъ и дѣлилъ труды съ сотрудниками своими: учрежденіе, которое въ ту пору и оставило дѣйствительно нѣчто выходявшее изъ ряду вонъ противъ всѣхъ въ ту пору состоявшихъ учрежденій. Въ виду необходимости изъятія этихъ дѣлъ изъ вѣдомства Министерства и невозможности ихъ пріостановки на неопредѣленное

время, дѣйствительно, необходимъ такой органъ, котораго въ настоящую минуту нѣтъ.

Было-бы цѣлесообразно, притомъ, чтобы временное учрежденіе подобнаго органа во-первыхъ не нарушало хода прочихъ установленій: пусть они продолжаютъ свою дѣятельность въ мирѣ, обычнымъ своимъ порядкомъ. А во-вторыхъ, чтобы новый органъ—*съ одной стороны*, сразу далъ всеѣмъ почувствовать дѣйствительно новый духъ въ своемъ существѣ, который бы отличалъ его отъ общаго строя бюрократическихъ учреждений, не давая вести дѣло казенно-канцелярскимъ порядкомъ; *съ другой стороны*, чтобы онъ, этотъ новый органъ, ясно увѣряя своей постановкой о готовящемся обновленіи благими порядками, на смѣну бюрократически-канцелярскихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ не возбудилъ кривотолковъ и не подалъ бы несмысленнымъ реформаторамъ несбыточныхъ надеждъ—кромѣ ихъ, впрочемъ, никѣмъ и не лелѣемыхъ въ русскомъ народѣ.

Въ интересѣ новизны и неподчиненіи обще-казенному строю, казалось-бы сообразно съ дѣломъ перенести его, на примѣръ, въ Москву, какъ истинный центръ народной жизни; а въ интересѣ невозбужденія разнаго рода несмысленныхъ лишнихъ толковъ возможно, казалось-бы, дать ему самое простое наименованіе, хотя бы даже и Департамента министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Еще весьма недавно, сравнительно говоря, одинъ изъ департаментовъ Сената или цѣлыхъ три даже, находились-же въ Москвѣ, тогда какъ вообще Сенатъ состоялъ въ Петербургѣ.

Назовите временный этотъ органъ Департаментомъ, Отдѣленіемъ, Комиссіей, Думой по земскимъ дѣламъ или по внутреннимъ дѣламъ... рѣшительно какъ угодно. Ибо тутъ дѣло не въ названіи, а лишь-бы никто его не понялъ въ смыслѣ Учредительнаго Собранія или Земскаго Собора.

Подобно тому, какъ при освобожденіи крестьянъ „Редакціонная Комиссія“ подъ предсѣдательствомъ особенно довѣреннаго Государева слуги Ростовцева была образована изъ многочисленныхъ членовъ, желательныхъ самому Предсѣдателю, разумѣется, и ново-образуемое Учрежденіе должно состоять изъ вѣрнѣйшихъ Государевыхъ слугъ отъ Предсѣдателя до послѣдняго изъ послѣднихъ призванныхъ къ тому,—и кого будетъ призывать *en permanence* или по временамъ, при встрѣчахъ въ томъ надобности, самъ Предсѣдатель. Но по необходимости, оно должно состоять изъ многочисленнаго же собранія членовъ, такъ какъ иные порядки Вятской и Пермской губерніи противъ Витебской и Мицкой; иное устройство самого крестьянскаго быта въ Кіевѣ, Полтавѣ, Черниговѣ и иное въ Рязани, въ Нижнемъ, въ Костромѣ, иное въ Заволжѣ.

Понятно само собою и то, что подобному учрежденію должна быть дана обязательная для него программа, опредѣляющая

царскія предначертанія для того, чтобы имъ слѣдовать точно и неуклонно,—программа, указывающая самыя начала, коихъ должны держаться собранные члены, работая надъ преобразованиемъ сельско-уѣзднаго устройства, въ тѣсномъ смыслѣ, и „Государева—земскаго дѣла“, въ смыслѣ болѣе обширномъ.

Въ чемъ можетъ заключаться главное содержаніе такой программы—сами уже современные обстоятельства не допускаютъ болѣе и сомнѣнія на этотъ счетъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что какъ ни сложны и какъ ни разнообразны задачи, составляющія нынѣ злобу дня,—какъ ни велики и разносторонни смуты и беспорядки въ хаосѣ современнаго нестроения, но вся главная задача нашихъ внутреннихъ дѣлъ сводится къ одному существенному вопросу, передъ коимъ молкнуть всѣ прочіе. Это—вопросъ о распатанности крестьянскаго быта.

Сколько бы внутренніе и внѣшніе враги ни воздымали смуть на Руси, но главная опасность наступившихъ дней заключается въ томъ, что коренное русское народонаселеніе шатко, волнуется само крестьянство.

Было время, когда всякая крамольная пропаганда приходила въ отчаяніе отъ своей безуспѣшности, не находя себѣ сочувствія, напротивъ встрѣчая ожесточенный отпоръ со стороны именно главной массы сельскаго у насъ населенія. Напротивъ того, въ наши дни, при общемъ и все болѣе возрастающимъ недовольствѣ крестьянъ, крамола уже рассчитываетъ на благопріятныя условія для своихъ дѣйствій и въ этой многомилліонной средѣ.

Такъ какъ нынѣшнія замѣшательства въ крестьянскомъ бытѣ прямо происходятъ отъ тѣхъ погрѣшностей и даже ошибокъ, которыя были допущены въ положеніи 19 февраля 1861 г., разумѣется, ихъ исправленіе и составляетъ, прежде всего, главную задачу нашихъ „внутреннихъ дѣлъ“.

XI.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности „крестьянскаго дѣла“, какъ сложилось оно многовѣковой исторіей,—нельзя однакожь не коснуться этого важнаго вопроса хотя въ главныхъ чертахъ, ибо, не составивъ о томъ общаго понятія, нельзя будетъ вѣрно судить и о деталяхъ.

По русскому народному воззрѣнію — общественный и государственный строй представляется, безъ преувеличенія, совершенно противоположнымъ тому, который въ видѣ какой-то научной аксіомы, усвоенъ всею нашей „интеллигенціей“, почерпавшей свѣдѣнія о „государственной наукѣ“ изъ иностранныхъ учебниковъ и слагающей свои понятія объ „общинѣ“ и

„государствѣ“—по западнымъ образцамъ. Русскій человѣкъ по преимуществу „земскій“,—а что это значитъ по-русски—ясно само собою изъ тождества слова „земство“ съ русскою землею. По социальнымъ теоріямъ западной политико-экономической науки, земля подлежитъ, какъ всякая движимость и недвижимость, праву *собственности личной*; либо другая крайность: составляетъ *собственность „коммуны“*. А по народному русскому возрѣнію ни то, ни другое. Искони вѣковъ на Руси допускалось какъ общинное, такъ и личное владѣніе землею; но такъ называемымъ „объектомъ собственности“, вообще говоря, земля не мыслилась никогда. Понятно, почему такъ. Никто не почитаетъ въ своей собственности, ни въ своемъ даже владѣніи, напримѣръ, лучей солнца или лунныхъ. Но если бѣ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей или лунныхъ производились въ обширныхъ размѣрахъ выгодныя мастерства и операціи въ родѣ того, напримѣръ, какъ снимаютъ фотографіи и дагеротипы или бѣлятъ холстъ и полотна и проч., разумѣется, и изъ-за пользованія даже лунными и солнечными лучами всякій хозяинъ и всякая хозяйка вели бы юридическіе споры, защищая всякій свое поле дѣйствіемъ солнечными и лунными лучами. Приблизительно то же самое здравое сужденіе русскій человѣкъ имѣетъ и о землѣ, для чего даже не полагаетъ и надобности быть юристомъ. Вопреки западнымъ теоріямъ, по русскому народному возрѣнію, напротивъ того, земля—какъ естественный даръ Божій—представляется не совсѣмъ объектомъ юридическаго права. Съ точки зрѣнія „Римскаго права“ (а весь западъ выросъ и держится на „Римскомъ правѣ“,—тамъ это одна изъ первыхъ наукъ), конечно, это не такъ; а по-русскому понятію—такъ. Сидѣть на землѣ и кормиться отъ воздѣлыванія ея, представляется Русскому человѣку не такъ называемымъ „правомъ“, а естественнымъ бытомъ земнородныхъ: участіемъ всякаго человѣка, котораго Богъ породилъ на землѣ. Съ земли, обжитой и охраняемой государственнымъ нарядомъ, искони русскій пахарь привыкъ нести государственную подать и справлять повинности: „государство безъ податей не стоитъ“, премудро говоритъ русскій народъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ въ умъ его привносится и сознаніе, что „земля, кормящая его при ея воздѣлываніи его трудомъ“ не отнимется отъ него. Земля потому и считается всѣмъ русскимъ народомъ „государевою“, то есть, если и собственностью, то лишь Государственную—потому именно, что на Руси всякій же изъ русскихъ убѣжденъ, что при надобности можетъ сѣсть на „Государевую землѣ“ и кормиться воздѣлываніемъ ея: „въ потѣ лица съѣсти хлѣбъ свой“. Во время крѣпостнаго права прирѣзывалось мирской земли по мѣрѣ нарожденія душъ и образованія новыхъ тяголъ; также прирѣзывалась земля и казеннымъ крестьянамъ

всѣхъ прочихъ наименованій. Ошибка законодательства 19 февраля 1861 года и потомъ при сведеніи казенныхъ крестьянъ прочихъ именованій на то же Положеніе, состояла именно въ томъ, что во 1) консолидировали разъ на всегда надѣлы (не отворивъ дверь къ переселеніямъ на свободныя государевы земли),—и тѣмъ отняли возможность крестьянскому населенію крестьянствовать; во 2) выкупною операціей внесли замѣшательство въ мірское владѣніе, привнеся точку зрѣнія „Римскаго права“ на землю, какъ на „объектъ собственности личной“. Никогда русскій крестьянинъ—до крѣпостного права, во время крѣпостного права и послѣ отмѣны крѣпостного права—никогда не считалъ общиннаго пользованія землей единственною формою ея владѣнія. Чуть кто богатѣлъ изъ крестьянъ, всякій стремился приобрѣсти землю и въ личное свое владѣніе. Но впередъ до разбогатѣнья, а вѣрнѣй сказать, весь свой вѣкъ вѣкуя не разбогатѣвши, всякій изъ мірянъ радъ былъ по крайней мѣрѣ оставаться въ прирожденной общинѣ и пользоваться, какъ весь сельскій міръ, своимъ мірскимъ надѣломъ.

Общій ропотъ крестьянъ въ наше время состоитъ именно въ томъ, что ихъ исконный бытъ нарушенъ: они впали въ отчаяніе за будущность свою. Ихъ насильственно выбиваютъ изъ привычной колеи, гонятъ въ массу интеллигенціи или сказать ближе къ дѣлу, въ массу бездомныхъ батраковъ и уличныхъ пролетаріевъ.

Къ счастью для Россіи, она велика, и отъ Бѣлаго моря до Чернаго все разныя земли у крестьянъ, разные и надѣлы. Въ иныхъ мѣстахъ хозяйство у нихъ и прежде велось больше промысловое, чѣмъ пашенное, а въ пахотныхъ мѣстахъ не вездѣ по Положенію 19 февраля 1861 года отводилось 3 десятины на душу (какъ, напримѣръ, въ средней полосѣ Россіи); мѣстами отведено было 12 десятинъ (напримѣръ, въ Заволжѣ) и болѣе. Мѣстами же однако отводились не высшіе надѣлы, даже не средніе, а именно низшіе,—такъ называемые въ народѣ „*кошачьи*“ и „*сиротскіе*“ надѣлы. Тамъ теперь и чувствуется особенное недовольство, гдѣ населеніе, бывъ надѣлено скудно и вначалѣ, окончательно теперь бѣдствуетъ при приростѣ населенія. И крестьяне ждуть не дождутся новой ревизіи въ полной увѣренности, что послѣдуетъ прирѣзка къ надѣламъ, по числу народившихся душъ и прибавившихся тяголъ, или даны будутъ льготныя мѣста, а также средства и способы къ переселенію.

Благоразумный законодатель долженъ бы былъ радоваться такому историческому факту, что 85 процентовъ народонаселенія, составляющаго населеніе всего государства, довольствуется участіемъ вести скромный образъ жизни своихъ отцевъ и дѣдовъ, не заражаясь похотью политическихъ правъ, ни прихотью куль-

турнаго прельщенья. А всѣ наши „министры и главноуправляющіе частями министерствъ“, также Думскіе и Земскіе ораторы и всѣ безъ исключенія „интеллигенты“, напротивъ того, приходятъ въ отчаяніе отъ такой патріархальной простоты и грубости нашихъ крестьянъ. Ихъ приводитъ въ ужасъ крестьянская преданность своей скромной сельской долѣ, съ которой они просятъ ихъ не разлучать: требуютъ, просятъ, и умоляютъ дать земли по числу народившихся душъ и новообразовавшихся тяголъ для продолженія крестьянскаго быта.

ХП.

Правда, среди нашей мнимой интеллигенціи, была и есть одна особенная группа, не перестававшая отъ начала вопить: „*мужикъ просилъ хлѣба, а ему подали камень*“ и требовавшая ущедрить крестьянскіе надѣлы въ ущербъ, даже въ разореніе частныхъ землевладѣльцевъ.

Но иное дѣло—соціальныя и коммунистическія ученія социалистовъ и коммунистовъ на западный ладъ, и иное дѣло—мірское владѣніе земель, возрѣніе на сельскую общину и на крестьянскую долю. Гуляющіе люди и всякіе безземельные изгои не пользуются уваженіемъ среди крестьянскаго населенія; людей такого безземельнаго класса, какъ мѣщане, также въ крестьянствѣ уважаютъ мало. Разъ кто не принадлежитъ къ служебному сословію (дворяне) или къ торговому (купцы), тому—по русскому народному возрѣнію—естественно „крестьянствовать“, то есть кормиться отъ земли воздѣльваніемъ ея. Еще и въ наши дни можно указать мѣстности, заселенныя такъ называемыми „*однодворцами*“; а давно ли еще—ихъ и вездѣ было много (при Петрѣ I-мъ и Екатеринѣ II-й множество ихъ было переведено въ податное сословіе). Они пахутъ и крестьянствуютъ, ни мало не смущаясь сами, не смущая и сосѣдей своихъ, сельскихъ мірянъ, тѣмъ, что, пахучи на своихъ поляхъ и убирая сѣно въ лугахъ собственными руками, встрѣчаясь другъ съ другомъ, привѣтствуютъ одинъ другого: „Здравствуй, братъ, князь Иванъ“. Или „Здорово, кумъ, какъ поживаешь, князь Илья“? Въ прежнее время подобные пахари, при крѣпостномъ правѣ, были вопіющей помѣхой развѣ-развѣ лишь именно для становыхъ былого времени, привыкшихъ, по собственнымъ ихъ фамиллярнымъ отзывамъ, къ „рукопашной политикѣ“. Становые жаловались обыкновенно: попробуй только нашъ братъ приступить къ которому-нибудь изъ нихъ, какъ должно, по-нашему! Только ему хочешь дать въ зубы, а онъ изъ кармана и грамоту свою дворянскую вынимаетъ: „я-де въ шестой книгѣ записанъ“.

Спрашивается: кому отъ того бѣда, что пастари и встарь у насъ не водилось организовавшихся собственно въ 18-мъ вѣкѣ форменныхъ сословій на западный образецъ, и что захудалые роды самихъ даже рюриковичей спускали, наконецъ, послѣднихъ своихъ захудалыхъ членовъ въ среду однодворцевъ? Сидя на землѣ и кормясь воздѣлываніемъ ея, никто изъ нихъ не считалъ для себя предосудительнымъ такой образъ жизни.

Не гораздо ли предосудительнѣй жребій тѣхъ отщепенцевъ и выкидышей изъ сельскаго міра, которые, оставъ отъ пахоты и кинувшись въ „интеллигенты“, остались и остаются въ городской средѣ безъ домашняго крова тою полуграмотной или даже полуобразованной уличной „чернью“, которой уже и у насъ, какъ во всѣхъ западныхъ городахъ, весьма много. По народному возрѣнію, повторяемъ, „*крестьянствовать*“, то-есть— не въ сословномъ смыслѣ, какъ это сложилось напослѣдокъ, а въ бытовомъ смыслѣ, какъ это было искони— „*кормиться отъ земли воздѣлываніемъ ея*“ составляетъ лишь исполненіе заповѣди Божіей, на которую обречены въ земной юдоли всѣ земнородные: „въ потѣ лица снѣсти хлѣбъ свой“. И никто изъ православныхъ крестьянъ не почитаетъ своей доли чѣмъ-либо хуже противъ, напримѣръ, мѣщанской или даже всѣхъ другихъ сословій. Это — вопросъ принципиальный, искони вѣковъ рѣшенный Русскою Исторіей въ пользу крестьянскаго быта на Руси, что и составляетъ особенность и силу Русскаго народа, чему завидуютъ прочія государства Европы, и ради чего они страшатся ея исполинской крѣпости и несокрушимаго могущества. Весь вопросъ, такимъ образомъ, заключается прямо въ томъ: можно ли желать сокрушенія того именно, что до сихъ поръ составляло—какія ни постигали ее бѣдствія—несокрушимую силу Россіи?

Та клика „интеллигентовъ“, которая вопила и продолжаетъ голосить: „*крестьянинъ просилъ хлѣба, а ему подали камень*“, имѣла и имѣетъ въ виду свои цѣли и ведетъ пропаганду въ особенномъ духѣ. Ярость ихъ направлена противъ частнаго землевладѣнія, и то лишь противъ тѣхъ только личныхъ землевладѣльцевъ, которые принадлежатъ къ привилегированнымъ классамъ. Кто понимаетъ крестьянскій вопросъ во всемъ его объемѣ и самую принципиальность народнаго возрѣнія на крестьянство, разумѣется, не смѣшиваетъ справедливаго требованія, исходящаго въ наши дни изъ нѣдръ крестьянства, съ безправицей, которой желали бы политическіе шантажисты.

У нашего государства числится въ одной европейской части Россіи полтора ста милліоновъ десятинъ казенной земли, кромѣ Кавказа и Сибири. Откинемъ хоть цѣлую треть — на сѣверныя тундры, на болота древнихъ Дряговичей, подлежащія осушенію, на пески степные — тѣмъ не менѣе въ остаткѣ

100 милліоновъ десятиныхъ ¹⁾). Это фактъ, отрицаемый обыкновенно лишь тѣми, которые дѣлають изъ того государственную тайну, и кому о томъ ближе всѣхъ извѣстно. Но они, пожалуй, и правы, настаивая на „несвободности“ этихъ полутора ста милліоновъ десятиныхъ, такъ какъ въ шнуровыхъ книгахъ ихъ Департаментовъ и Отдѣленій вся эта земля разнесена по спеціальнымъ статьямъ и значится въ графахъ разноименныхъ.

А въ прошломъ году—уже послѣ манифеста 26-го февраля 1903 года—Министерство Государственныхъ Имуществъ (оно же Земледѣлія) отчислило изъ Сибирскихъ земель въ одной Тобольской губерніи районъ земли, пространствомъ въ 50 Тульскихъ губерній, *какъ никогда не имѣющій поступить крестьянамъ-общинникамъ*. Допустимъ, что это было сдѣлано, напри- мѣръ, въ исполненіе проекта, составленнаго ранѣе изданнаго Манифеста, а именно проекта времени министра Сипягина „о помѣстномъ дворянствѣ“ въ Сибири, тѣмъ не менѣе, однако, фактъ замѣчательный. Районъ земли въ 50 Тульскихъ губерній—это не шутка.

ХІІІ.

Если-бы государственные люди поняли у насъ принципиальную важность крестьянскаго вопроса, тогда и рѣшеніе его сошло бы прямо на вопросъ объ упорядоченіи крестьянскихъ расселеній и переселеній. Бѣда въ томъ, однако, что наши министры и крупные землевладѣльцы (сказать бы: ландлорды наши), малоземельные и вовсе безземельные интеллигенты, доктора политической экономіи и римскаго права и всякіе ученые люди, наконецъ, политическіе шантажисты и всякаго рода пропагандисты—всѣ у насъ думаютъ объ этомъ иначе. Первые и вторые, третьи и четвертые, тѣ и другіе, разсматривая крестьянскій вопросъ, всякій съ своей точки зрѣнія, и думая о благополучіишемъ его рѣшеніи,—всего менѣе думаютъ о благополучіи крестьянъ. Неотрицаемый фактъ состоитъ въ томъ, что у крестьянъ отнята возможность крестьянствовать въ грядущемъ; удрученные духомъ, они задумываются о своемъ завтрашнемъ днѣ и находятся въ угнетеніи отъ сознанія, что будущности для нихъ нѣтъ.

А наша „интеллигенція“, между тѣмъ, воздыхаетъ совершенно о другомъ. Слащаво вспоминая о „реформенной эпохѣ“ вообще и до приторности слащаво объ „освобожденіи крестьянъ“ въ особенности, интеллигенты жалуются теперь, что освободо-

¹⁾ Эти цифры не совсѣмъ точны, какъ можно видѣть изъ Правит. Сообщенія, напечатаннаго въ № 20 іюня „Пр. Вѣстника“, текущаго года. Но такая неточность не измѣняетъ сущности дѣла.

жденные крестьяне еще недоосвобождены въ конецъ: не сравнены, дескать, гражданскими правами съ прочими свободными гражданами всѣхъ другихъ сословій. Интеллигенты предлагаютъ *доверить освобожденіе*, доосвободить крестьянъ путемъ приравненія сельско-мірскихъ правъ къ обще-гражданскимъ правамъ по X-му тому Свода Законовъ.

Хорошія слова, конечно, „*уравненіе правъ*“ и „*освобожденіе*“, но сказать проще, въ данномъ случаѣ дѣло идетъ уже о томъ, чтобы сельскіе міряне въ конецъ доосвободились отъ своихъ надѣловъ и сошли на мѣщанъ и пеховыхъ, не пользующихся никакими надѣлами,—перестали бы быть, чѣмъ были искони, а обратились бы въ бездомныхъ батраковъ, нуждающихся итти въ рабочіе. Въ коренномъ русскомъ народонаселеніи, составляющемъ у насъ 85 процентовъ обще-государственнаго населенія, видѣтъ „сословіе“—по меньшей мѣрѣ странно и несообразительно. Вѣдь, числящійся по Своду Законовъ „крестьяниномъ“ въ юридическомъ смыслѣ, богатѣя à la Кокоревъ или Губонинъ, то и дѣло пріобрѣтаетъ въ наши дни цѣлыя имѣнія и становится личнымъ землевладѣльцемъ, нерѣдко даже весьма крупнымъ. Изъ такихъ личныхъ землевладѣльцевъ нѣкоторые не находятъ даже надобности переписываться въ другія „сословія“, а охотники перечисляться въ „вышія“—безъ всякаго труда успѣваютъ въ томъ. О чемъ же воркуютъ слащавые воздыхатели, плодя рѣчи о недоосвобожденности освобожденнаго народа? Вѣдь, Положеніе 19-го февраля 1861 года тѣмъ и отличается отъ Свода Законовъ, что въ нѣкоторомъ родѣ составляетъ истинно-органическій законъ о 85-ти процентахъ русскаго народонаселенія,—тогда какъ Сводъ взираетъ на „крестьянъ“ лишь именно какъ на одно изъ „сословій“, въ собственномъ смыслѣ. Но попробуйте пересчитать сословія по Своду Законовъ — и въ изумленіи придется развести руками. Сводъ насчитываетъ у насъ почти столько же сословій, сколько дней въ году.

„Интеллигенты“ изъ крупноземельныхъ, и малоземельныхъ, и вовсе безземельныхъ—не одинаково относятся къ доктринѣ „*объ уравненіи крестьянъ гражданскими правами по X-му тому*“. При этомъ у нихъ и цѣли разныя: однѣ — у крупноземельныхъ, и совершенно противоположныя—у вовсе безземельныхъ. Всего платоничнѣе разсуждаютъ въ этомъ случаѣ средніе. Эти лишь изъ платонической любви къ наукѣ вообще, а къ *римскому праву* въ особенности толкуютъ о необходимости скорѣе обратить крестьянскіе надѣлы въ объектъ „*собственности личной*“; съ тѣмъ вмѣстѣ, изъ приверженности и къ прочимъ наукамъ вообще, а къ „политической экономіи“ въ особенности, хлопочутъ также о „*водвореніи экономической свободы*“ между крестьянами путемъ уничтоженія сельской общины: пе-

реходомъ отъ мірскихъ земельныхъ надѣловъ къ подворнымъ участкамъ. Они же, изъ платонической любви къ „прогрессу“ вообще, а къ „культурному“ въ особенности, отстаиваютъ необходимость скорѣйшаго перехода хозяйства у крестьянъ отъ „экстенсивной“ системы къ „интенсивной“.

Но цѣли крупно-земельныхъ интеллигентовъ при этомъ гораздо существеннѣй и совершенно реальны. Ландлорды озабочены уже тѣмъ, чтобы обезпечить отъ всякаго рода могущихъ послѣдовать случайностей безчисленные интересы и потребности ихъ крупно-земельныхъ хозяйствъ. И это не только съ цѣлью имѣть, напримѣръ, дешевыхъ работниковъ или, напротивъ, самыхъ дорогихъ арендаторовъ для своихъ территорій, но еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы, съ облегченіемъ переселеній на свободныя земли—не уронила вообще повсемѣстно цѣна продажной земли. Главная же изъ всѣхъ могущихъ послѣдовать случайностей, не упускаемая изъ виду крупными землевладѣльцами, разумѣется, та самая, которую недавно Великобританскіе законодатели сочли нужнымъ примѣнить къ ландлордамъ въ Ирландіи. Неисчислимы аграрныя заботы нашихъ туземныхъ ландлордовъ.

Но сколько бы они ни тратили силъ, доказывая превосходство „интенсивной системы“, и какъ бы ни побуждали крестьянъ къ „культурному прогрессу“, пройдетъ слишкомъ много времени, прежде чѣмъ подобный прогрессъ, ужъ не говоримъ—начнетъ приносить барыши и пользу крестьянамъ, а просто войдетъ въ ихъ нравы. Какъ бы ранѣе того не совершилось то самое, что держать себѣ на умѣ *вовсе безземельные* „интеллигенты“, проповѣдующіе прогрессъ и культуру громче всѣхъ! Вотъ когда опомнятся, наконецъ, проповѣдники „водворенія экономической свободы“ путемъ уничтоженія „мірской общины и преимуществъ“ „интенсивной“ системы противъ „экстенсивной“. При могущей послѣдовать случайности этого рода, не сочтутъ ли они сущимъ благодѣяніемъ даже и ту самую мѣру, къ которой Великобританское законодательство прибѣгло въ Ирландіи, и которую теперь для себя считаютъ самою пагубной?

Итакъ, оставляя въ сторонѣ научныя пренія и даже не касаясь вопроса: правы или не правы тѣ или другія теоріи политической экономіи и агрономіи, смѣло можно утверждать, что простой здравый смыслъ совѣтуетъ: широко отворить дверь для крестьянскихъ переселеній, съ тѣмъ вмѣстѣ дать нуждающимся переселенцамъ всѣ средства и способы къ водворенію на новыхъ мѣстахъ... А не запереть эту дверь наглухо, показывая въ казенныхъ графахъ землю въ *нѣтъхъ* и требуя отъ бѣдняка, зайкнувшагося о своемъ желаніи переселиться, реверса въ 400 рублей, какъ это поставлено сейчасъ.

Какъ только будетъ установлено главное и основное положеніе о возможности на будущее время крестьянству крестьянствовать на Руси, самъ собою возникнетъ и дальнѣйшій вопросъ о крестьянскомъ самоуправленіи, — съ чѣмъ вмѣстѣ этотъ частный вопросъ самъ же собою расширяется въ вопросъ общій о нашемъ сельско-уѣздномъ управленіи или, прямо сказать, о самоуправленіи земскомъ вообще. Это уже то самое, о чемъ мало-мыслящая наша „интеллигенція“ много толковала на импровизованную тему о „всесловной волости“ и не дотолковалась ни до чего путнаго, а нынѣ толкуетъ о томъ же подъ видомъ ходатайства о „мелкой земской единицѣ“. Но какъ неосновательно было бы, въ угоду несмысленныхъ „интеллигентовъ“, прибѣгнуть къ осуществленію ихней „всесловной волости“ — избави Богъ осуществить и ихъ „мелкую земскую единицу“! Ибо это было бы лишь увѣнчаніемъ фальшиваго строя нынѣ дѣйствующихъ „земскихъ учреждений“ вовсе не въ видахъ исправленія ихъ въ русскомъ духѣ, а, напротивъ, увѣковѣчило бы ихъ нынѣшнюю фальшь и ускорило бы самое осуществленіе нежелательныхъ послѣдствій, логически неизбѣжно истекающихъ изъ такой фальши.

XIV.

Разъ крестьянству дано будетъ будущее, — сказали мы — самъ собою возникаетъ вопросъ объ управленіи земскомъ. По-нятно, почему такъ. Ибо мірское управленіе крестьянъ, касающееся ихъ по вопросамъ о разверсткѣ мірской земли и т. п., кромѣ того соприкасается съ вопросомъ объ охраненіи вообще мѣстнаго порядка, мира и тишины во всемъ околоткѣ, а это — вопросъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, всѣхъ обывателей мѣстнаго околотка, а не только однихъ крестьянъ. Сельскіе старосты и волостные старшины имѣютъ нѣкоторыя общія со всей администраціей обязанности по охраненію тишины и спокойствія, по задержанію бѣглыхъ и подозрительныхъ людей, по пресѣченію зловредныхъ слуховъ и толковъ и проч. Этою частью функцій крестьянское управленіе и сливается уже съ земскимъ вообще. Ихъ объединяетъ, съ одной стороны, надобность мирянъ, даже въ кругѣ ихъ внутренняго дѣлопроизводства, прибѣгать поминутно къ руководству дѣловыхъ людей, которые привыкомъ къ служебной дѣятельности, вѣдѣніемъ законовъ и общегосударственнаго строя ихъ превосходятъ; а съ другой стороны, надобность руководительства по дѣламъ охраненія мира и тишины, веденія порядка въ мѣстномъ участкѣ, образуемомъ изъ многихъ волостей, вмѣстѣ взятыхъ. При эмансипаціи это и были „сельскіе мировые участки“ съ мѣстнымъ Мировымъ Посредникомъ во главѣ, въ уѣздномъ городѣ изъ

нихъ составлялся Мировой Съѣздъ съ Членомъ отъ Правительства въ числѣ засѣдавшихъ и подѣ predsjedательствомъ Уѣзднаго Предводителя дворянства: организація вполне цѣлесообразная.

Ясно само собою, что такого рода общественными дѣятелями могутъ быть лишь люди, о которыхъ говорилось въ старину, что они „*грамотѣ умѣютъ и къ дѣлу годятся*“. Въ наши дни, когда грамотность уже не составляетъ рѣдкости, особенно требуется обратить вниманіе на необходимое добавленіе о грамотныхъ людяхъ; „годятся ли они къ дѣлу“ или, напротивъ, не годятся? Быть грамотнымъ мало для того, чтобы вести по мѣстамъ мѣстное дѣло, требуется для этого еще именно и другое: „*годиться къ дѣлу*“.

Что касается до опредѣленія годящихся и непригодныхъ, разумѣется, на это не можетъ быть регламента. Такъ называемый „цензъ“ по владѣнію ли землей, по образованію ли—тутъ мало поможетъ вѣрному указанію годности и негодности. Въ старину на это было одно только указаніе: общій голосъ, но отнюдь не баллотировка, никакъ не выборъ шарами. Годящимися къ дѣлу почитались „*лучшіе люди*“, то-есть такіе, на кого въ мѣстномъ околоткѣ указывала молва народная, что они „*совѣстливые и богобоязненные люди*“. А на совѣстливость и богобоязненность подавно нѣтъ регламента, ибо требуемая въ чиновничествѣ свидѣтельства о „бываніи у исповѣди и причастіи“ не доказываютъ ровно ничего. Въ старину правительство указывало крестьянамъ: въ охраненіе отъ лихихъ людей „*вы бы приставили въ головы кого изъ дѣтей боярскихъ, которые грамотѣ умѣютъ и къ дѣлу годятся*“.

XV.

Въ наши дни очень много возбуждали толковъ о „необходимости сословія вообще и дворянскаго въ особенности“; но что эти толки вообще велись не особенно толково, доказательство тому налицо. Дворянское сословіе, какъ таковое, по вопросу о своемъ улучшеніи выработало только узаконеніе штрафовать дворянъ, не являющихся на выборы, 75-ю рублями. Несмысленность толковъ о „дворянскомъ вопросѣ“ имѣла своею причиною именно то, что не имѣли яснаго сознанія о сущности самого вопроса. Дворянство, какъ историческое явленіе въ быту русскаго народа, одно дѣло: это разрядъ *служилыхъ людей*; а дворянство, какъ объ немъ судили съ точки зрѣнія Свода Законовъ, другое дѣло. Это не разрядъ по роду занятій,— а именно „сословіе“, въ юридическомъ смыслѣ.

Дворянство, образовавшееся по Своду Законовъ, отовсюду прибываетъ и никуда не выбываетъ.

Встарь, когда на Руси не было „сословія“ въ юридическомъ

смыслѣ, захудалые роды даже рюриковичей спускали своихъ захудалыхъ членовъ прямо въ быть однодворцевъ. И это ни ихъ и никого не смущало. Но когда Сводъ Законовъ учредилъ форменныя сословія, или еще когда въ имперскій періодъ къ тому склонилась вся дѣятельность правительства, сословный вопросъ, разумѣется, обострился. Охота ли кому изъ сословія, числящагося по закону высшимъ, переписываться въ низшее? Какъ ни одинъ, напримѣръ, принадлежащій къ сословію Потомственныхъ Почетныхъ Гражданъ при всемъ оскудѣніи, которое могло бы постигнуть его размножившихся сыновей или внуковъ — не пожелалъ бы переписывать ихъ въ сословіе Личныхъ Почетныхъ Гражданъ, такъ въ свою очередь Личный Почетный Гражданинъ не обрадовался бы собственному низведенію въ мѣщане: сословіе, числящееся по закону ниже. А простыхъ гражданъ, не почетныхъ, попросту гражданъ, которыми состоимъ мы всѣ, не полагается по Своду Законовъ. Юстиція непремѣнно требуетъ приписки къ тому или другому „сословію“ въ юридическомъ смыслѣ.

Лишившись привилегіи владѣть крѣпостными людьми (и слава Богу!) дворянство Свода Законовъ лишилось именно того, въ чемъ состояло главное юридическое его отличие отъ прочихъ „сословій“, перечисляемыхъ Сводомъ, а, по введеніи общей воинской повинности, и вовсе сравнялось съ прочими. Въ такомъ положеніи оно болѣе не знаетъ, къ чему прилѣпиться, и на чемъ ему стать, „дворянскому сословію“, какъ таковому?

Въ томъ не было бы особенной бѣды, но вотъ бѣда въ чемъ. Сочинивъ два особенныхъ „сословія“: потомственныхъ почетныхъ гражданъ и личныхъ почетныхъ гражданъ, Сводъ Законовъ, какъ сказано, простыхъ гражданъ, какими собственно состоимъ мы всѣ, гражданъ попросту вовсе не допускаетъ. Между тѣмъ, разъ только заведены форменныя сословія, высшія и низшія, самоверхнія и самопослѣднія, представляется нормальнымъ, чтобы всѣ народившіяся души соотвѣтствовали и по быту, подробностями жизненной обстановки, тому именно сословію, къ коему приписаны отъ рожденія. Разъ бытовая норма не соотвѣтствуетъ юридической — это уже представляется аномаліей. А захуданіе родовъ, какъ водилось встарь, водится и теперь. И кто-жъ того не знаетъ, что бытовая норма не сходится съ юридической подчасъ.

Когда, напримѣръ, юридическая норма того или другого изъ гражданъ обязываетъ къ почетности, а по быту захудалый членъ не пользуется почетомъ, или напротивъ, когда юридическая норма намекаетъ на относительную приниженность въ ряду сословій, а членъ такого сословія высится и первенствуетъ пышностью своего быта, разумѣется, нормальнымъ

этого не назовутъ. Но въ томъ еще нѣтъ укора социальному быту, и безусловно пенять на это нельзя, а должно вникнуть, откуда происходитъ такая ненормальность. Причина тому можетъ быть двоякая.

Съ *одной стороны*, причина подобныхъ аномалій можетъ заключаться въ самой лживости „*сословнаго принципа*“, а всякая ложь сама себя и доводитъ до абсурда. Въ западныхъ государствахъ, гдѣ „*сословія*“ въ юридическомъ смыслѣ составляли исконное явленіе по самой исторіи тѣхъ государствъ, начавшихся отъ „*завоеванія*“, гдѣ „*сословныя перегородки*“ прямо замыкали гражданъ по правовому порядку — однихъ въ сословіе рабовъ, а другихъ въ сословіе господъ, по правовому же порядку въ непремѣнную льготу однихъ и въ непремѣнный ущербъ другихъ — изъ-за этого не переводилась вражда сословій, вспыхивала борьба между ними, и происходили революціи. Тамъ, слѣдовательно, гдѣ разѣдающія сословный бытъ ненормальныя явленія и аномаліи происходятъ по самой лживости „*сословнаго принципа*“ объ нихъ и жалѣть нечего; напрасны были бы и старанія все подобное оздоровить. Если въ данномъ случаѣ и требуется оздоровленіе, то иное: правильное возрѣніе на „*сословный вопросъ*“ и сообразныя мѣры, то-есть прекращеніе искусственно введенныхъ сословій, учрежденныхъ по правовому порядку, и возвращеніе ихъ къ тѣмъ бытовымъ разрядамъ людскаго общества, на которые естественно дѣлятся всѣ граждане по роду ихъ занятій. Но съ *другой стороны*, именно потому, что самый родъ занятій во всякомъ людскомъ обществѣ распредѣляетъ гражданъ различно по ихъ бытовымъ разрядамъ, сословный бытъ вовсе не химера. Если подобнаго рода правильно понимаемый сословный бытъ страдаетъ отъ неблагоприятныхъ причинъ и готовъ разрушиться отъ вторженія несвойственныхъ никакому людскому обществу дикихъ началъ, пособить ему и поддержать его — необходимое дѣло.

При нашемъ исторически-сложившемся бытѣ, въ силу котораго навязанныя правовымъ порядкомъ „*сословія*“ стремятся въ народномъ быту сами собой быть лишь разрядами по роду занятій, и даже при всѣхъ тягостныхъ препонахъ, препятствующихъ тому Юстиціей, приковывающей ихъ къ „*юридической нормѣ*“, продолжаютъ себѣ пребывать въ народномъ быту лишь *бытовыми*, а не „*юридическими*“ сословіями, такого рода сословное дѣло имѣетъ весьма добрый, степенный характеръ и получаетъ огромный смыслъ. Это уже тотъ глубокий смыслъ, который не только не враждебенъ правильному социальному устройству, а безъ котораго вся „*соціологія*“ неизбежно обращается въ „*утопію*“, либо еще хуже... отваживается перейти уже въ нѣчто роковое.

Вольно-жь было нарочито заводить нарочитыя сословія, обращать русскій безсословный бытъ на несвойственный ему чуждый путь. Не странно ли: даже естественную долю земнородныхъ *кормиться отъ земли воздѣлываніемъ ея* — трансформировать посредствомъ правового порядка въ „сословную принадлежность?“ По людскому эгоизму и злоупотребленіямъ сильнаго надъ слабымъ возможно было, допустимъ, гордому воину высится въ соціальномъ быту надъ смиреннымъ хлѣбопашцемъ. Въ Русской исторіи видимъ примѣръ тому, и даже не трудно прослѣдить, какъ, одновременно съ утвержденіемъ „государственнаго принципа“ въ западномъ смыслѣ, растетъ угнетеніе крестьянъ, то-есть именно пахущаго населенія. Прямое обращеніе крестьянства въ „сословіе“, понимаемое въ юридическомъ смыслѣ, къ тому же въ сословіе „*крѣпостныхъ людей и податныхъ душъ*“ (одинъ изъ фазисовъ общей реформы, произведенной Петромъ) — продуктъ новой нашей Исторіи, породившій своеобразныя смуты, бунты и мятежи, которыхъ не было дотолѣ. Замѣчательно однакожь, что и въ періодъ упрочивавшагося и упроченнаго „крѣпостнаго права“, сами крестьяне иначе понимали свой бытъ, чѣмъ Сводъ Законовъ, взиравшій на нихъ, какъ на „сословіе“ низшее и самое послѣднее изъ всѣхъ.

Статочное ли дѣло, по необходимости приходится спросить, не полнаго и не двѣ его трети, а 85 процентовъ народонаселенія считать „сословіемъ?“ Сообразно ли хоть съ чѣмъ-нибудь, многомилліонное православное крестьянство констатировать за одно изъ существующихъ въ государствѣ многихъ „сословіи“, а самый бытъ мірянъ за „сословную принадлежность?“ Конечно, нѣтъ. И выходитъ, такимъ образомъ, что бытовыя сословія, какъ ихъ понимаетъ русскій народъ въ своей жизни, и тѣ сословія, которыя значутся въ статьяхъ Свода Законовъ,—двѣ вещи совершенно разныя.

XVI.

Собственно говоря, всѣхъ сословіи, сложившихся общимъ складомъ нашей исторіи и произведенныхъ самимъ бытомъ, только два: „крестьянство“ и „дворянство“, и они, можно бы сказать, всесословны. Оба противъ всѣхъ перечисляемыхъ въ Сводѣ другихъ сословіи—наиболѣе устойчивы, какъ таковыя; оба, пожалуй, наиболѣе могутъ быть названы *сословіями* въ житейскомъ бытовомъ смыслѣ, и въ то же время наименѣе „сословны“ и даже вовсе „безсословны“, въ смыслѣ юридическомъ. Они же оба, одно съ другимъ, преимущественно противъ прочихъ и сближены другъ съ другомъ, что происходило вѣками и прошло, какъ сквозь горнило испытаній, черезъ длинный рядъ всякихъ историческихъ перипетій.

Сомнительно, чтобы русское дворянство нашло себя панегиристовъ по той дѣятельности, которую обнаруживало лѣтъ сто слишкомъ въ своихъ собраніяхъ, съѣзжаясь *на выборы*. Ибо, пользуясь правомъ „ходатайствовать о мѣстныхъ нуждахъ“, могло бы тѣмъ приносить огромную пользу отечеству, которой вовсе не приносило. Оно могло бы тѣмъ содѣйствовать, въ теченіе многихъ, премногихъ десятилѣтій, отклоненію умоначертаній и мѣропріятій, падавшихъ вдругъ, какъ съ неба, не въ пользу, а во вредъ мѣстнымъ нуждамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ содѣйствовать и замѣнѣ ихъ полезнѣйшими и цѣлесообразными,—но не занималось этимъ никогда.

Не похвалять его, можетъ-быть, и за малое проявленіе дѣйствительнаго знанія мѣстныхъ нуждъ при его участіи въ нынѣ дѣйствующихъ „Земскихъ Учрежденіяхъ“. На ихъ долю, впрочемъ, дворянство не удѣляетъ лучшихъ своихъ силъ по самой мнимости этихъ учрежденій. Сюда отъ него вступаютъ большею частью лишь „карьеристы по земскимъ дѣламъ“, приобщающіе и свой голосъ къ общему гулу... уже не столько „дворянъ“, какъ собственно такъ называемыхъ „интеллигентовъ“.

Несомнѣнно однакожь и то, что, если можно указать у насъ на такую группу общественныхъ дѣятелей, которые бы при веденіи общественныхъ дѣлъ забывали свой личный и собственно „сословный“ эгоизмъ—это будутъ именно дворяне. Въ семьѣ не безъ уroda, разумѣется, но мы говоримъ объ общемъ правилѣ, а не про исключенія. Жертвовать лично эгоистическими интересами и интересами цѣлага своего „сословія“, чуть дѣло коснулось общей пользы—составляетъ отличительную и выдающуюся черту въ характерѣ русскаго дворянства. Сама эмансипація крестьянъ служить доказательствомъ тому. Съ тѣмъ вмѣстѣ привычка къ благовоспитанности изъ рода въ родъ, навѣкъ государственной службы, вѣковое значеніе „служилаго сословія“, вѣковое-же общеніе съ бытомъ мірянъ въ своихъ помѣстьяхъ—все это придаетъ русскому дворянству то существенное значеніе, въ которомъ отказать ему нельзя.

Это самое, вѣками Исторіи созданное значеніе и придаетъ русскому дворянству истинно народный отбѣнокъ, чисто-земскій характеръ. Пусть „дворянское сословіе“, какъ таковое, никакими привилегіями болѣе не отличается отъ прочихъ; но, если оно вѣрно родному историческому завѣту, если только сознаетъ свое призваніе быть вопетину разумнѣемъ многомилліоннаго православно-русскаго народа—оно и удержитъ свое значеніе въ быту русскаго народа навсегда. Незамѣнимое мѣсто въ настоящемъ русскомъ земствѣ принадлежитъ ему по праву. И это такая прерогатива, которая *не отнимается отъ него*: ея ни придать произвольно, ни отнять ужъ никакимъ

регламентомъ нельзя. Отъ него самого зависитъ теперь, останутся-ли на высотѣ своего призванія, измѣнить-ли ему.

Понимая русское дворянство въ такомъ именно значеніи, можно основательно утверждать, что и самый вопросъ о поднятіи его—не праздный, а былъ вызванъ дѣйствительными потребностями минуты и подсказанъ жизнью. Это уже и есть то самое, что въ годы царствованія почившаго Государя Александра III, заботило правительственное и общественное вниманіе именно подъ названіемъ „Дворянскаго вопроса“ и опять таки не привело ни къ чему... все по одной и той-же причинѣ. Мы еще не на правомъ пути, а только ищемъ возвратиться на прямую дорогу, съ которой сбились давно.

Если вопросъ о поднятіи дворянства разрѣшился ничѣмъ и, призванное выразить свои нужды, оно затруднилось формулировать ихъ—это ясное доказательство безсодержательности происходившихъ о томъ преній. Толкуя о „сословномъ дворянствѣ“, какъ оно было установлено Жалованною Грамотой Екатерины II, великой феодалки, и руководясь соображеніями о дворянахъ, согласно Своду Законовъ, естественно было, путаясь въ своихъ мнѣніяхъ о дворянствѣ и дворянахъ, противорѣчить безъ конца другъ другу и не договориться ни до чего путнаго. Дебатировавшіе заданную имъ тему, ясное дѣло, мало даже и сознавали самую сущность дебатироваемаго ими вопроса. А публика и то общественное мнѣніе, которое въ качествѣ *общественнаго обмана* выражается въ уличныхъ газетахъ, были возбуждены противъ самаго возникновенія вопроса о „дворянствѣ“, какъ привилегированномъ сословіи. Сами дворяне—изъ числа не превышающихъ собственнымъ разумѣніемъ газетныхъ міровоззрѣній—спѣшили всячески заявлять тогда, и съ своей стороны, полную солидарность съ общимъ хоромъ „интеллигентовъ“, либерально заявлявшихъ о „несовременности“ и „ненужности“ никакого дворянства въ мірѣ. Какъ во всѣхъ прочихъ вопросахъ, такъ и въ этомъ, кривда съ правдой перепутались до такой степени, что окончательно стало невозможно разобраться, о чемъ собственно спорили между собой антагонисты, и, разумѣется, все кончилось ничѣмъ.

XVII.

А самъ по себѣ „*вопросъ о дворянствѣ*“, возникшій въ прошлое царствованіе, былъ не изъ мелкихъ. Симптомы, свидѣтельствовавшіе о полномъ нездоровьѣ нашего общественнаго организма—весьма внушительные и очень серіознаго свойства—вызвали его.

Кому-же неизвѣстно, что съ дикими вождедѣніями той неустовой шайки, которая въ теченіе вотъ уже нѣсколькихъ

десятилѣтій плодятся у насъ, пополняемая отщепенцами рѣшительно изъ всѣхъ сословіи, совпадаютъ еще нѣкоторыя тенденціи такъ называемыхъ „интеллигентовъ“ вообще. Неправильно поставленное у насъ дѣло „образованія“, вопіющая ненормальность условій, въ которыя поставлено у насъ „*духовенство*“, числящееся сословіемъ и не знающее, куда дѣтъ своихъ изгоевъ, и многія другія причины, имѣющія между прочимъ связь съ нынѣшнимъ кризисомъ, происходящимъ въ крестьянствѣ — умножаютъ не по днямъ, а по часамъ этотъ классъ бездомныхъ людей, оторванныхъ отъ всякой почвы, не имѣющихъ ни родного домашняго крова, ни добрыхъ семейныхъ преданій. „Интеллигенты“ этого рода по преимуществу кишатъ въ столицахъ и большихъ городахъ, но встрѣчаются нынѣ повсюду, во всякомъ городѣ и на любомъ посту. Всего менѣе можно бы было на нихъ положиться, какъ на „*вѣрныхъ слугъ государевыхъ*“, всего менѣе они пригодны въ качествѣ „*служилыхъ людей*“. А между тѣмъ они-то цѣлыми массами и идутъ впередъ, проникая во всѣ сферы служебной дѣятельности. Болѣе удачливые изъ нихъ достигаютъ весьма видныхъ постовъ не только въ провинціи, но и въ столицахъ; а рядовые зачисляются, напримѣръ, въ тѣ полки „*статистиковъ*“ и „*почвенниковъ*“, коими нѣкоторыя изъ „земскихъ учреждений“ приобрѣли столь печальную извѣстность. Тенденціи этого рода „интеллигентовъ“ весьма мало отличаются отъ общей доктрины нашихъ реформаторовъ-радикаловъ, отечественныхъ и зарубежныхъ. По крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ изъ социальныхъ вопросовъ между тѣми и другими сочувствіе полное. Оно притомъ находитъ себѣ мѣсто еще и тамъ, гдѣ, казалось бы, его всего менѣе ожидать было можно.

Въ Петербургѣ, въ средѣ его, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, бюрократическихъ сферъ чиновное чувство никогда не мирилось именно со „*служилымъ значеніемъ помѣстнаго дворянства*“; самъ ужъ этотъ бытовой типъ всегда претилъ чиновному духу и одинаково ненавистенъ всѣмъ безъ исключенія разночинцамъ—отъ высшихъ чиновъ и до низшихъ. Итакъ, если были и не перевелись тайныя и явныя, всегда либеральныя инсинуаціи по адресу помѣстнаго дворянства,—были и не перевелись, говоримъ, специфическія цѣли и стремленія къ сведенію его на *нѣтъ*, то должно-ли было давать ходъ этому? Не пора ли было, напротивъ, остановить во-время? Нельзя отрицать и того, что при всеобщемъ „нарочитомъ“ канцеляризмѣ, расплотившемся у насъ и прогрессирующемъ съ увеличивающеюся быстротой по всѣмъ вѣдомствамъ, измѣнились, соотвѣтственно тому, какъ служебныя отношенія, такъ и всѣ вообще отправленія служебной дѣятельности не въ благопріятную сторону и не къ лучшему—именно для сословія прежнихъ *слу-*

жилыхъ людей. Наконецъ, послѣ экономическаго перелома, вслѣдствіе эминсипаціи крестьянъ, именно на долю помѣстнаго дворянства пала главнымъ образомъ тягость этого перелома; и все это вмѣстѣ взятое, по необходимости, вело не къ добру для него, а къ худу... Итакъ, не требовалось ли и въ самомъ дѣлѣ серьезно подумать, какъ выйти изъ этого *cerce vicieux*?

Если только, въ самомъ дѣлѣ, дворянство остается вѣрно своему историческому завѣту и на высотѣ своего историческаго призванія, когда же, какъ не теперь, и кому же, какъ не ему именно, подлежить — по вопросу о „государевомъ земскомъ дѣлѣ“ оправдать себя истинно служилымъ сословіемъ, явивъ собою по-старинѣ „*вѣрныхъ слугъ государевыхъ*“. При самомъ возбужденіи вопроса о томъ, уже открывается ему широкое поприще дѣятельной и плодотворной службы: въ началѣ—по первоначальной же разработкѣ мѣропріятій объ упорядоченіи и желаемомъ благоустроеніи нашихъ внутреннихъ дѣлъ, въ неукоснительное исполненіе царскихъ предначертаній: далѣе—по введенію ихъ въ дѣйствіе царскимъ повелѣніемъ; и еще далѣе—уже по веденію ихъ всюду по своимъ мѣстамъ изо дня въ день—чисто и безпорочно, по долгу и по совѣсти „*вѣрныхъ слугъ государевыхъ*“.

Именно, въ дворянскомъ сословіи, говоримъ, пришлось бы искать въ наше время тѣхъ грамотныхъ и къ дѣлу пригодныхъ людей, о которыхъ въ старину царь писалъ крестьянамъ: „для охраны отъ лихихъ людей вы бы поставили въ головы кого изъ дѣтей боярскихъ, которые грамотѣ умѣютъ и къ дѣлу годятся“; ихъ же выбирали и сами крестьяне не баллотировкой, а по народному голосу во всемъ мірскомъ околоткѣ, что это „совѣстливые и богобоязненные люди“.

По вопросу объ упорядоченіи сельско-уѣзднаго управленія нельзя миновать вопроса о помѣстномъ дворянствѣ. Отдѣльныя личности могутъ быть весьма непригодны или малонадежны, разумѣется, и въ самомъ дворянствѣ; напротивъ, могутъ найтись благонадежные и весьма почтенные люди въ средѣ потомственныхъ и личныхъ почетныхъ гражданъ, и въ средѣ мѣщанъ, и въ средѣ людей, занимающихся тѣми или другими достойными уваженія профессіями, однимъ словомъ, во всѣхъ сословіяхъ, перечисляемыхъ нашимъ Сводомъ Законовъ. Но, вообще говоря, если вопросъ ставится огуломъ о цѣломъ сословіи, разумѣется, должно будетъ сказать, что руководить по мѣстамъ мѣстными дѣлами изъ всѣхъ сословій, перечисленныхъ Сводомъ, лежитъ на обязанности не крестьянъ, не цеховыхъ, не мѣщанъ, не купечества, а именно дворянства. Подобно тому, какъ при самой эминсипаціи крестьянъ, къ дѣятельности по всѣмъ мировымъ участкамъ были призваны Мировые Посредники изъ мѣстныхъ дворянъ, такъ же и въ наши

дни главный контингентъ служилыхъ людей состоитъ въ дворянствѣ-же, въ немъ же и главный контингентъ *личныхъ землевладѣльцевъ*.

Правда, довольно личныхъ землевладѣльцевъ съ тѣхъ поръ прибыло изъ всѣхъ сословій; мірскому землевладѣнію въ наши дни противопоставляется *личное землевладѣніе* крестьянъ же—по сословію, а по достатку равняющихся подчасъ богачамъ торговыхъ фирмъ; кромѣ того и потомственные и личные почетные граждане, и мѣщане, и всѣхъ прочихъ сословій достаточные люди числятся тамъ и сямъ въ числѣ *личныхъ землевладѣльцевъ*. Тѣмъ не менѣе, однако, въ большинствѣ случаевъ и, вообще говоря, именно дворяне составляютъ то мѣстное обывательство среди крестьянъ, въ которомъ обрѣтаются дѣятели. „*которые грамотъ умѣютъ и къ дѣлу годятся*“. Такимъ образомъ руководясь лишь соображеніемъ, что при крестьянскомъ мірекомъ управленіи руководство по обще-земскимъ дѣламъ должно быть ввѣрено *землевладѣльцамъ личнымъ*, правильно будетъ и сказать вообще, что руководить этими дѣлами призвано помѣстное дворянство. Но исключенія возможны въ ту и другую сторону. Если тѣ или другіе изъ дворянъ по неблагонадежности своей могутъ быть не занесены въ списки кандидатовъ на мѣстныя должности, обратно возможны и случаи привлеченія къ этимъ должностямъ *личныхъ землевладѣльцевъ*, извѣстныхъ по мѣстамъ доброю дѣятельностью своею, къ какимъ бы „сословіямъ“ такія личности ни принадлежали.

Одно можно бы добавить на тотъ случай, если бы въ самомъ дѣлѣ узаконенному Положеніемъ 19 февраля 1861 года сельскому мировому участку предстояло воскреснуть. Пусть всѣ помѣстные дворяне обязательно числятся (хотятъ ли они того или не хотятъ) повинными служить пользамъ и нуждамъ того сельскаго мирового участка, къ которому принадлежать по своимъ имѣніямъ. Пусть однако, съ тѣми или другими ограниченіями, въ той или другой формѣ и прочіе обыватели другихъ „сословій“, владѣющіе имѣніемъ въ сельскомъ мировомъ участкѣ, не будутъ избавлены отъ повинности—служить пользамъ и нуждамъ своего сельскаго мирового участка. Но сохрани Боже сдѣлать эту должность „участковаго предводителя“ выборною посредствомъ баллотировки, какъ избираются „Гласные Земства“, „Мировые Судьи“ и т. п. Во 1-хъ, должность подобныхъ участковыхъ предводителей, по необходимости, должна имѣть административный характеръ, а подобныя должности не могутъ быть предоставлены произволу выборщиковъ. Во 2-хъ, баллотировка по необходимости требуетъ состава партій и вызываетъ партійный духъ: явленіе, чуждое русскому быту и нежелательное вообще. Достаточно указать на образцовый примѣръ мировыхъ судей, истинныхъ *Juges de Paix*,

въ Англіи, которые выбираются непременно изъ обывателей мѣстнаго джентри, но назначаются отъ короны. Участковые предводители, какъ имѣющіе быть *мировыми*, въ истинномъ смыслѣ этого слова, а не мнимыми мировыми дѣятелями, по необходимости должны быть облечены достаточною административной властью, слѣдовательно, и должны быть назначаемы никакъ не помимо администраціи. Мѣстному обывательству должно быть въ этомъ случаѣ предоставлено составить общій списокъ кандидатовъ и въ немъ обозначить тѣхъ, кого желательно было бы видѣть въ должности. Самое же назначеніе въ должность должно происходить черезъ Уѣзднаго Дворянскаго Предводителя по совѣщанію Губернскаго Предводителя съ Начальникомъ Губерніи. Такимъ же образомъ въ свое время назначались и Мировые Посредники.

XVIII.

Могутъ спросить: выдѣленіе „пересмотра законодательства о крестьянахъ“ и подобныхъ дѣлъ изъ учрежденія, которое въ сущности есть только министерство полиціи, обязываетъ-ли, однако, къ созданію какого-то новаго временнаго органа въ данномъ случаѣ? Порученіе разработки самаго вопроса объ организаціи нашихъ „внутреннихъ дѣлъ“ экстренному органу—точно ли необходимо?

Отвѣчаемъ: полное разстройство въ наше время „внутреннихъ дѣлъ“, къ которому ихъ привела дѣятельность Министерства, занимавшагося этими дѣлами, служить явнымъ доказательствомъ тому. Ихъ нынѣшнее хаотическое состояніе—прямой результатъ дѣятельности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Было бы слишкомъ долго разсматривать эту дѣятельность во всей подробности со дня эмансипаціи крестьянъ до нашихъ дней включительно; ограничимся лишь нѣсколькими образцами.

Въ реформенную эпоху Александра II сами такъ называемыя „*Земскія Учрежденія*“—продуктъ министерствованія временъ Валуева и Тимашева—развѣ не вышли прямо готовыми, какъ Минерва изъ головы Юпитера, изъ министерскихъ канцелярій? И что-же? На добро-ли послужили они? Много-ли содѣйствовали и содѣйствуютъ умиротворенію нашихъ „внутреннихъ дѣлъ“? Довольно одного этого примѣра.

По дѣлопроизводству этого же рода, изъ царствованія почившаго Государя Александра III, уже было указано на то извращеніе, которое потерпѣлъ институтъ „земскихъ начальниковъ“. Мысль объ нихъ, возникшая въ умѣ самого Государя, мысль о возвращеніи сельско-уѣзднаго строя къ тому порядку, въ какомъ онъ находился при Мировыхъ Посредникахъ, во

время существовавших сельских мировых участков—эта царская мысль была эскамотирована петербургским канцеляризмомъ, а не осуществлена. Новая должность была вовсе лишена и того общественнаго значенія, и той правоспособности, кои составляли сущность института Мировыхъ Посредниковъ, а всѣ мѣры были приняты въ то-же время *pour en sauver les apparences*. И сочинены были такія должностныя лица, которыхъ наша сельско-уѣздная жизнь, при всемъ множествѣ вопіющихъ нуждъ и неотложныхъ потребностей, не знала—къ чему примѣнить. Должностныя лица—не столько внушительныя, какъ вызывающія недоумѣніе *de nomine*, и ни на что не правоспособныя *de facto*. Въ послѣдніе же наши дни эти должностныя лица, въ качествѣ живыхъ силъ мѣстнаго общества, окончательно были сведены на нѣтъ и вовсе обращены въ бюрократическія звенья той-же безконечной цѣпи безконечныхъ чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—и только.

Наконецъ, въ наши-же послѣдніе дни случился примѣръ еще болѣе разительный. Не всѣ ли мы слышали, не всѣ ли газеты передавали слухи, однѣ—съ горечью, другія—съ радостью, о томъ, что дѣятельность господъ „Гласныхъ“ земскихъ собраній и „Городскихъ Думъ“ (особенно столичныхъ) обратила, наконецъ, на себя вниманіе Правительства въ томъ отношеніи, что не рѣдко приносить вредъ, а не пользу внутреннимъ дѣламъ нашимъ. Были назначены ревизіи, производились тщательныя изслѣдованія. А чѣмъ кончилось? Чѣмъ же все это заключилось въ концѣ концовъ? Ужъ въ самые послѣдніе дни, при послѣднемъ покойномъ министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, всѣ эти непорядки были упорядочены лишь тѣмъ, что Департаменты, Отдѣлы и Отдѣленія этого Министерства вновь разрослись противъ прежняго, слѣдуя общему закону бюрократическихъ учреждений—плодиться безъ конца. А столичная Дума, петербургская, вслѣдствіе произведенныхъ перемѣнъ въ разрядѣ ея гласныхъ, получила возможность еще болѣе противъ прежняго прогрессировать въ прежнемъ своемъ направленіи. Того рѣшительнѣйшій послѣдовали мѣропріятія относительно „Земскихъ учреждений“. Министерство создало, спеціально по отношенію къ нимъ, новые органы внутри себя, имѣющіе совмѣстить въ себѣ какъ собственную, такъ и земскую бюрократію, во едино, чѣмъ, къ обоюдной ихъ выгодѣ и ко взаимной пользѣ, Министерство, принявъ колебавшіяся были „учрежденія“ въ свои нѣдра, и увѣковѣчило ихъ быть впрокъ навсегда.

Лишь крестьянская реформа, повторяемъ, одна только она, была произведена въ свое время путемъ не бюрократическимъ. Всѣ przygotowательныя къ ней работы и окончательное ихъ производство были избавлены отъ воздѣйствія на нихъ петербургскихъ канцелярій. Для разрѣшенія крестьянскаго вопроса

(хотя публика къ тому не допускалась, и весьма было основательно ея недопущеніе) были призваны къ участию живыя силы не *большинства*, а напротивъ *меньшинства* нашего образованнаго общества. И при всѣхъ погрѣшностяхъ и даже ошибкахъ, единственно Положеніе 19-го февраля 1861-го года представляетъ у насъ тотъ единственный же въ своемъ родѣ законодательный актъ, благодаря которому крестьянская реформа совершилась, по возможности, удовлетворительно и весьма благополучно. Въ томъ благодарность „Редакціонной комиссіи“ Ростовцева—изъ рода въ родъ. Что же касается до сказанныхъ погрѣшностей и ошибокъ, не надо забывать ту оппозицію, которая происходила тогда отчасти именно отъ „большинства“ членовъ каждаго изъ „Губернскихъ Комитетовъ“ и отъ верховниковъ бюрократическихъ вершинъ тогдашняго времени. Это было такое оппозиціонное давленіе, на которое не переставали жаловаться члены Редакціонной Комиссіи. „Чтобы достигнуть главнаго, приходилось жертвовать деталями; чтобы не дать антагонисту восторжествовать вполне, приходилось кое въ чемъ дѣлать ему уступки и вступить съ нимъ въ компромисы“, — такъ въ свое время говорили они сами.

Усмотрѣть эти погрѣшности и ошибки, о которыхъ все громче и громче въ теченіе десятилѣтій не переставало вопіять крестьянское дѣло въ связи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, въ теченіе 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ, — включительно, наконецъ, съ новолѣтіемъ наступившаго XX-го вѣка — чье-жъ это было дѣло, какъ не „Министерства Внутреннихъ Дѣлъ?“ А что же оно дѣлало, и въ чемъ заключалась его дѣйствительно непрестанная дѣятельность по этой части въ теченіе истекшихъ десятилѣтій? Оно не только не усматривало и не искореняло этихъ погрѣшностей и ошибокъ, а пользовалось ими для усугубленія въ томъ же духѣ собственныхъ умоначертаній и мѣропріятій, ими же содѣйствовало все время размноженію и усиленію пагубныхъ результатовъ тѣхъ погрѣшностей и ошибокъ и еще глубже ввѣдряло ихъ. Оно въ теченіе этихъ десятилѣтій ускоряло прогрессировавшее разложеніе крестьянскаго быта, умножало съ своей стороны затрудненія начинавшихъ въ немъ замѣшательствъ — и тѣмъ затруднило на будущее время самый выходъ изъ нихъ. Отстраняемъ вопросъ, сознательно или безсознательно, *bona fide* или *mala fide*, происходило и производилось все это, но таковъ фактъ. То подъ благонамѣреннымъ видомъ избавленія крестьянъ отъ тягостей *круговой поруки*, то изъ сожалѣнія какъ бы о томъ, что разбогатѣвшіе à la Кокоревъ или Губонинъ міряне никакъ не могутъ вырваться изъ оковъ общиннаго быта своихъ односельцевъ и т. п., не прекращались мѣропріятія Департаментовъ и Отдѣленій, министерскіе циркуляры и предписанія, наконецъ, прямыя узаконенія — все въ одномъ

и томъ же духѣ. Касаясь то „семейныхъ раздѣловъ,“ то „земельныхъ передѣловъ“ между крестьянами, всё они въ общей сложности направлены были къ разрушенію общинныхъ отношеній между мірянами и поощряли „крестьянъ-собственниковъ“ къ скорѣйшему переходу отъ мірскаго пользованія землями къ раздѣленію ихъ на „подворные участки“. Совокупность этихъ мѣропріятій, въ связи съ той безтолочью, въ которой очутилось наше прежнее въ конецъ порушенное „земское самоуправленіе“—вся эта дѣятельность министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій и привела внутреннія дѣла въ то хаотическое состояніе, въ которомъ ихъ видимъ нынѣ.

Довольно указать, что въ предшествовавшее царствованіе, благодаря уже только личной инициативѣ почившаго Государя Александра III-го, было, наконецъ, круто пріостановлено дѣйствіе подобныхъ умоначертаній и мѣропріятій. По Его личной инициативѣ прекращено было разрушеніе мірскихъ надѣловъ продажей ихъ въ третьи руки изъ міра и пріостановка „выкупа“ отдѣльными домохозяевами отдѣльныхъ участковъ.

Благодаря лишь твердому настоянію Верховной Воли, были отмѣнены вкравшіяся незамѣтнымъ путемъ узаконенія, содѣйствовавшія разрушенію сельской общины и мірскихъ надѣловъ. И что же? Послѣ того новыми косвенными средствами тѣ же самыя „умоначертанія и мѣропріятія“ вновь нашли себѣ дорогу и прокладываютъ новые пути даже до сегодня.

А такъ какъ въ томъ же министерствѣ, которое пересматриваетъ „крестьянское законодательство“, особое отдѣленіе вѣдаетъ еще и „Земскія учрежденія“, то понятно, что всё его заботы направлены къ тому, чтобы оба эти дѣла по „крестьянскому законодательству“ и по „земскимъ учрежденіямъ“—были солидарны между собой. Съ тѣхъ поръ какъ были отмѣнены Мировые Посредники и уничтожены сельскіе мировые участки, а вмѣсто того дано то, что теперь есть—такъ и вышло. Такъ оно и происходитъ въ дѣйствительности. Прогрессивное обращеніе 85 процентовъ населенія Имперіи—не въ „православное крестьянство“, чѣмъ оно было и пока состоитъ еще, а въ гражданъ по X-му тому Свода Законовъ,—съ тѣмъ вмѣстѣ и прогрессивное развитіе „Земскихъ Учрежденій“, въ народное „представительство“, въ то самое, чѣмъ они были задуманы отъ начала, дабы служить препятствіемъ къ тому, чтобы могло образоваться во-истину „государево-земское дѣло“ на Руси—оба эти явленія у насъ одно съ другимъ вполне солидарны.

На вопросъ, такимъ образомъ, дѣйствительно ли необходимо у насъ по „внутреннимъ дѣламъ“ новый особенный временный органъ по образцу „Редакціонной Коммисіи“ Ростовцева, кажется послѣ всего, современная дѣйствительность даетъ утвердительный отвѣтъ.

XIX.

Учрежденіе его, кромѣ пользы, которую желательно отъ него получить, могло бы имѣть и другую хорошую сторону. Какъ ни требуютъ, за одно съ Министерствомъ Полиціи, существенныхъ преобразованій и прочія Вѣдомства, было бы однакожь неблагоразумно приступить круто ко всеобщей ломкѣ. Это было бы въ своемъ родѣ *революціонной* мѣрой, слѣдовательно несправедливо. А намъ надо правды прежде всего: не крутыхъ мѣръ или легкихъ, не жестокихъ или сердобольныхъ, а, мягки онѣ или тверды, прежде всего, *мѣръ справедливыхъ*. Чтобы правда была на Руси—вотъ что нужно.

Такъ какъ именно въ распатанности быта крестьянъ, въ растущемъ гулѣ ихъ общаго недовольства и, справедливость требуетъ сказать, въ дѣйствительной ихъ безвыходности изъ кризиса заключается главная опасность нынѣшняго общаго нестроенія, то разъ это будетъ создано, и будутъ приняты мѣры къ уврачеванію главнаго зла, главное и будетъ уже исполнено. Все прочее сразу утратитъ свое жало, болѣе не будетъ вторить тому же злу, по крайней мѣрѣ, утратитъ свой теперешній острый характеръ и перестанетъ быть столь угрожающе-зловѣщимъ, какъ теперь. Ибо какія бы опасности, какіе бы непорядки ни указывали въ данную минуту, всѣ они молкнутъ передъ этой колоссальной смутой, и если чѣмъ-нибудь зловѣщи въ дѣйствительности, то преимущественно лишь своимъ соприкосновеніемъ съ нею.

Разъ „внутреннія дѣла“ будутъ выдѣлены изъ Министерства Полиціи, которое съ той же минуты обязано будетъ лучше заняться своимъ собственнымъ дѣломъ, которымъ до сихъ поръ занималось плохо, разъ только съ тѣмъ вмѣстѣ перестанутъ плодиться, какъ это дѣлалось до сей поры, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изо дня въ день, изъ часу въ часъ, „умоначертанія и мѣропріятія“ во вредъ, а не въ пользу нашимъ внутреннимъ дѣламъ (особенно по пересмотру „крестьянскаго законодательства“ обще съ „земскими учрежденіями“) — одно ужъ это будетъ огромнымъ шагомъ впередъ. Одно это уже значительно послужитъ къ оздоровленію нашего распатаннаго быта.

Разъ будетъ мгновенно остановлено главное зло, пускай до времени всѣ прочія Вѣдомства почіють въ мирѣ, да не нарушится сразу общій ходъ дѣлъ.

Преобразование прочихъ Вѣдомствъ, собственно говоря, тогда только и станетъ возможно, когда заложенъ будетъ грунтъ. А заложить грунтъ въ этомъ случаѣ — ничто другое и не значить, какъ упрочить крестьянское дѣло, и въ связи съ тѣмъ, организовать правильное сельско-уѣздное управленіе наше. Въ Петербургѣ и за-границей, въ 1861-мъ году, ожидали непремѣн-

ныхъ у насъ смуть по отмѣнѣ *крѣпостного права*,—ничуть не бывало. За все время, какъ только по мѣстамъ вступили въ должность мѣстные общественные дѣятели въ лицѣ Мирowychъ Посредниковъ, по всѣмъ сельскимъ мировымъ участкамъ тишина и спокойствіе были полныя. Но послѣ отмѣны „мирового института“ и замѣщенія его съ *одной стороны* нынѣ дѣйствующими „земскими учрежденіями“, а съ *другой* опять неумолкаемою дѣятельностью Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—не стало земскаго мира на Руси. Если обезпеченіе его лежало на обязанности этого Министерства, оно доказало въ теченіе четырехъ послѣдовавшихъ десятилѣтій полную несостоятельность свою въ этомъ отношеніи.

Вся лѣстница его учрежденій, сверху донизу, болѣе не удовлетворяетъ современному положенію вещей, отказывается функционировать, какъ должно, въ наши дни. Но не прежде можно будетъ коснуться отмѣны или преобразованій его низшихъ, среднихъ и высшихъ органовъ (Уѣздныхъ полицейскихъ управленій, далѣе Губернскихъ Правленій и еще далѣе самихъ Департаментовъ и Отдѣленій)—не прежде, какъ заложивъ основу внизу: утвердивъ сельско-уѣздное управленіе наше.

Всякую лѣстницу метутъ сверху, но устраиваютъ или переустраиваютъ снизу вверхъ.

XX.

Крестьянскій бытъ и въ связи съ тѣмъ сельско-уѣздное управленіе, безспорно, составляютъ у насъ тотъ основной грунтъ, которымъ держится и отъ котораго зависитъ прочное спокойствіе, правильное теченіе и благоуспѣяніе всѣхъ прочихъ внутреннихъ дѣлъ. Только упорядочивъ расшатанный „крестьянскій бытъ“, можно будетъ привести въ порядокъ и установить прочно на будущія времена нашъ сельско-уѣздный строй. Если въ этомъ грунтѣ найдено будетъ, наконецъ, необходимымъ и дано будетъ сложиться требуемой съ самой отмѣны *крѣпостного права*, уже существовавшей въ зачаткѣ, но вскорѣ уничтоженной, живой ячейкѣ земской организаціи, союзъ которыхъ дастъ въ результатъ живую же организацію мѣстныхъ учрежденій, а не механическій ихъ конгломератъ, какъ это состоитъ у насъ въ теперешнюю минуту—задача, составляющая въ этомъ отношеніи главную *злобу дня*, будетъ разрѣшена: „государево-земское дѣло“ станетъ у насъ прочно.

Такого рода цѣлесообразныя съ русскимъ бытомъ и органическія въ жизни русскаго народа учрежденія, заложенныя въ самомъ низу, произведутъ по необходимости сами собою воздѣйствіе вверхъ и на всѣ прочія. Они преукажутъ измѣне-

нія къ общему обновленію въ томъ же духѣ—цѣлесообразныя и во всѣхъ дальнѣйшихъ: во-1-хъ, въ нашихъ Губернскихъ Учрежденіяхъ, во-2-хъ, и далѣе. И путемъ праведнымъ и правильнымъ, безъ крутой ломки, безъ реформаторскихъ переворотовъ, исподволь и постепенно произойдетъ у насъ дѣйствительно органическое преобразование всего нынѣ исключительно бюрократическаго строя: внутреннее обновленіе, въ новизнахъ котораго, истинно сказать, просвѣтитъ старина наша. То, что въ ней по ту сторону имперскаго періода расколосось, вновь соединится, и кончится расколъ. „Въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится“—недаромъ сказалось такое живое слово ревнителями старины, при ихъ обращеніи къ Царскому Престолу вскорѣ по отмѣнѣ крѣпостнаго права.

XXI.

Утверждая, что такія внутреннія дѣла, какъ „пересмотръ законодательства о крестьянахъ“ или еще „узаконенія по Земскимъ Учрежденіямъ“ не подлежатъ вѣдѣнію канцелярій, разумѣется, никому не придетъ и въ голову выдавать предполагаемый новый органъ за полное выраженіе этихъ общественныхъ силъ или за воплощеніе этого народнаго творчества.

Если бы общество и народъ могли у насъ имѣть голосъ до сего времени, если-бы дано было образоваться у насъ дѣйствительному общественному мнѣнію, и могло бы оно заявлять себя — тогда не было-бы и надобности въ подобномъ органѣ. Но онъ необходимъ, чтобы положить конецъ теперешнему невозможному *status quo* и, если еще не прямо водворить земскій миръ, возстановивъ „государево-земское дѣло“ на Руси, то служить преддверіемъ къ тому.

Необходимо же, наконецъ, притти къ признанію, что за все время имперскаго періода, пока онъ упрочивался путемъ одновременно съ тѣмъ упроченія самого „крѣпостнаго права“, дѣйствительно, наше прежнее внутреннее единство „государево-земскаго дѣла“ расколосось: при „крѣпостномъ правѣ“ даже немислимо земство. А такъ какъ сама отмѣна „крѣпостнаго права“ была произведена у насъ отчасти по-русски, а отчасти уже съ самаго начала была подернута тенденціями въ духѣ западныхъ началъ, то эта двойственность и лживость компромиссовъ намъ и отомщается до сегодня.

Она была произведена по-русски въ томъ отношеніи, что во-1-хъ, крестьяне были надѣлены землею; и во-2-хъ, сохранено было и крестьянское самоуправленіе въ согласіи съ принципомъ мірскаго владѣнія землею. Благодаря тому реформа и обошлась благополучно. Но заключала-ли она въ себѣ прочныя залогомъ для ручательства за дальнѣйшее благополучіе и въ будущемъ? Ни мало.

Во 1-хъ, уже не говоря о той лживости, что положительныя статьи Свода Законовъ прямо узаконяли „право владѣть крѣпостными людьми“, а тому былъ приданъ видъ повинности со стороны крестьянъ за яко-бы арендуемая ими земли, — общій видъ дѣлу въ 1861-мъ году былъ приданъ такой, яко-бы крестьянское рабство составляло у насъ удѣлъ древней Руси по темному невѣжеству ея; имперскій-же періодъ — въ качествѣ озареннаго европейскимъ просвѣщеніемъ и представляющій собой прогрессъ, либеральность и культуру, даруетъ освобожденіе народу именно въ силу и во имя подобнаго „просвѣщенія“. Такъ, именно, была понята реформа всей массой публики, сплошь почти безъ исключенія всей нашей „интеллигенціей“.

Во-2-хъ, въ силу такого еще слабаго у насъ народнаго самосознанія (не говоря уже о той оппозиціи и о томъ антагонизмѣ, которые вынуждали на компромиссы и на уступки членовъ „Редакціонной Комиссіи“, на что они и жаловались постоянно) — надѣланы были еще погрѣшности и, прямо сказать, допущены ошибки въ актѣ, коимъ утверждалось освобожденіе крестьянъ. Главнѣйшія изъ нихъ въ томъ и состоятъ, что подъ крестьянствомъ *quand tѣме* разумѣлось „сословіе“, — слѣдовательно, крестьянину какъ бы напередъ рекомендовалось обратиться въ гражданина по X-му тому. Но 85 процентовъ общегосударственнаго населенія лишь Сводъ Законовъ могъ почитать „сословіемъ“, русское же народное возрѣніе на „православное крестьянство“ совершенно иное. Послѣдствіемъ такой роковой ошибки и было уже все прочее. Консолидировавъ разъ навсегда надѣлы и не отворивъ дверь для нарождающихся душъ и новоприбывающихъ тяголъ къ льготному переселенію на незанятая „государевы земли“ — подавили крестьянскій бытъ: тѣмъ была отнята будущность у крестьянъ. Этимъ у крестьянъ отняли возможность крестьянствовать, насильственно ихъ выбили вонъ изъ крестьянской колеи. А выкупная операція упредила разложеніе мірскаго владѣнія землею, еще и не дожидаясь того срока, когда общинѣ предстояло задыхаться отъ тѣсноты надѣловъ: выкупная операція сразу внесла понятіе въ „сельскій міръ“ о *личной собственности* на землю, по мѣрѣ ея обѣленія выкупными платежами. Сидоръ, Карпъ, Илья поименно — сразу стали ревновать другъ передъ другомъ обѣляемые и выкупаемые въ собственность земельные участки. А изъ года въ годъ, одно десятилѣтіе за другимъ, мѣнялись составы крестьянскихъ семей: тотъ, кто обѣлялъ вначалѣ землю выкупными платежами съ десятка душъ, могъ позднѣе оказаться при одной собственной душѣ; а кто вначалѣ вносилъ выкупные платежи за одну лишь собственную душу — потомъ могъ очутиться при десяти душахъ, и пошла путаница невообразимая. Ревность „собственниковъ“ одного передъ другимъ и другъ къ другу

путалась и путается съ года на годъ все больше. А „умоначертанія“ министерства въ теченіе этихъ десятилѣтій усугубляли плодившееся зло: какъ изъ рога изобилія сыпались мѣропріятія о „семейныхъ раздѣлахъ“ и „земельныхъ передѣлахъ“, все въ томъ же духѣ, и еще болѣе расшатывали крестьянскій бытъ.

Благо Россіи еще въ томъ, повторяемъ, что не вездѣ какъ въ средней полосѣ—вышіе надѣлы были опредѣлены въ размѣрѣ трехъ десятинъ на душу; въ Заволжьѣ они и по двѣнадцати. Благо еще въ томъ, что само хозяйство, промыслы и заработки крестьянъ—не тѣ въ Костромѣ, что на Рязани; одни—на югѣ, другіе на сѣверѣ и т. д. Наболѣе рѣзкіе и острые примѣры справедливаго недовольства крестьянъ, разумѣется, обнаруживаются лишь тамъ, гдѣ съ самаго начала даны были такъ называемые „сиротскіе“ и „кошачьи“ надѣлы — надѣлы низшей нормы, допущенной Положеніемъ 19-го февраля. Наболѣе тяжко состояніе крестьянъ, разумѣется, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ни промысловъ, ни заработковъ не водилось изстари и не предвидится возможности имъ быть и впередъ по мѣстнымъ условіямъ. Только въ этой неодинаковости условій и крайнемъ разнообразіи „надѣльнаго“ и „издѣльнаго“ положенія крестьянъ и можно еще видѣть залогъ, что переживаемый нами кризисъ „крестьянскаго дѣла“, Богъ дастъ, обойдется благополучнѣе, чѣмъ ожидаютъ пессимисты. Если по существующимъ условіямъ, коихъ ирраціональности отрицать нельзя—и возможно ожидать безпорядковъ, которыхъ мы были свидѣтелями въ Полтавской, Харьковской губерніи и въ Черниговской, возможно еще надѣяться и на то по крайней мѣрѣ, что они будутъ возникать лишь въ самыхъ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ—и спорадически, а не сплошь, повсемѣстно. Но принципиально—поводъ къ нимъ существененъ: въ принципѣ и должно безотлагательно упорядочить „Крестьянское дѣло“. Нельзя его оставлять въ томъ видѣ, къ которому привели его погрѣшности и ошибки законодательнаго акта 19-го февраля 1861-го года, а въ теченіе десятилѣтій „умоначертанія и мѣропріятія“ министерствъ. Реформенная эпоха 60-хъ годовъ—благословенная въ памяти народа тѣмъ именно, что „въ новизнахъ“ царствованія императора Александра II-го „старина наша слышалась“—въ то же время тѣмъ именно, что ни одна изъ реформъ не была управлена въ настоящемъ русскомъ духѣ, привнесла во всѣ-же реформы (въ томъ числѣ и въ крестьянскую) элементы чуждой намъ закваски, которые по необходимости пришли въ броженіе, и въ такомъ процесѣ броженія находятся и до сихъ поръ.

Одиночные рѣдкіе голоса еще въ тѣ же 60-е годы уже предсказывали, что нѣкоторыми изъ погрѣшностей и ошибокъ

Положенія 19-го февраля поколеблень и въ близкомъ будущемъ неминуемо долженъ быть распатанъ весь нашъ крестьянскій бытъ.

А мнимыя, такъ называемые „Земскія Учрежденія“, тогда же вбитыя клиномъ въ наше дѣйствительное земство и вовсе загородили какъ крестьянству, такъ и вообще настоящему русскому земству путь для того, чтобы выйти на прямую нашу историческую дорогу. Весь многомилліонный народъ и весьма рѣдкія исключенія, эти, можно бы сказать, одиночки въ общей массѣ нашей „интеллигенціи“, радовались „эмансипаціи крестьянъ“ именно какъ повороту имперскаго періода къ родной старинѣ, — надѣялись: кончится расколъ въ русскомъ народѣ и откроется передъ нимъ прямой и широкой—истинно народный и истинно царскій путь. А бессмысленная публика, вся наша оторванная отъ народа интеллигенція, мнимая у насъ выразительница его разумѣнія, всею-же своей массой привѣтствовала эмансипацію, какъ свое собственное политическое „наканунѣ“. Ея нельзя и винить въ томъ; повторяемъ: въ имперскій періодъ къ тому шло. Самое возникновеніе „Министерскихъ Учрежденій“ въ эпоху императора Александра I-го предвозвѣщало уже въ грядущемъ западный „конституціонный“ путь. Гдѣ конституція своеобразна—тамъ она и на своемъ мѣстѣ. А какъ фальшивый инструментъ фальшиваго общественнаго мнѣнія, она не только не порука за торжество живыхъ общественныхъ силъ страны, а служить еще господамъ „представителямъ народа“ вящимъ средствомъ игнорировать его.

XXII.

Но гдѣ-жъ взять, наконецъ, живыхъ общественныхъ силъ, если наша интеллигенція не изобилуетъ ими? И что такое вообще народъ? Не мнѣ-ли самое выраженіе: народное творчество?

Въ томъ и бѣда, что для всей массы нашей интеллигенціи дѣйствительно—это мнѣ Вѣдь та лишь интеллигенція хороша въ любомъ народѣ, которая выражаетъ дѣйствительное разумѣніе его, а не составляетъ пародію на образованность, представляя изъ себя — какъ сказалъ Пушкинъ про своего Онѣгина: „словъ модныхъ полный лексиконъ“.

Какъ вызвать и откуда взять народное творчество, дѣйствительно можетъ у насъ составлять вопросъ, но тѣмъ хуже для насъ. Откровенно предложить такой вопросъ и значить: признать откровенно, что въ теченіе цѣлаго періода, когда у насъ длилось крѣпостное право (а это и есть имперскій періодъ съ самаго зачина въ началѣ XVIII вѣка и въ теченіе двухъ первыхъ четвертей XIX-го), только и дѣлали, что, съ одной сто-

роны, зажимали ротъ закрѣпощенному народу, а съ другой — не только не давали организовать живымъ общественнымъ силамъ, а всячески разнимали и дѣлили ихъ. Таковъ былъ *régime imperial bureaucratique*, достигшій апогея въ лучезаръ имперскаго періода при императорѣ Александрѣ I-мъ, когда и были учреждены самыя „министерства“.

Итакъ, когда сомнѣваются въ творческихъ силахъ русскаго народа, утверждая, что ровно ни въ чемъ не обнаружился онъ, хочется спросить: въ чемъ же могли онъ и обнаружиться, пока не давали имъ хода?

Мы твердо увѣрены, что русскій народъ отнюдь не миеъ, вѣримъ и въ его творческія силы. Не менѣе убѣждены и въ томъ, что не вся же „интеллигенція“ носится у насъ, оторвавшись отъ родной почвы, въ отвлеченномъ пространствѣ, не цѣлое же русское общество чуждо народу своему. Стыдно было бы нашему Министерству Народнаго Просвѣщенія, если-бы въ размноженныхъ имъ въ безконечномъ количествѣ „образованныхъ людяхъ“ не могли найтись, въ самомъ дѣлѣ, если не тысячи, хоть сотни, и если не сотни, то десятки дѣйствительно образованныхъ людей, отличающихся *истинною* образованностью, а не *мнимой*. Въ самихъ даже „Земскихъ Учрежденіяхъ“, если не въ большинствѣ, такъ по крайней мѣрѣ въ „меньшинствѣ“ гласныхъ, отыщутся люди достойные быть общественными дѣятелями своей страны и своего народа. Если даже не въ „меньшинствѣ“ каждой группы или собранія гласныхъ, такъ одиночками между ними—безъ сомнѣнія — попадаются общественные дѣятели, преданные своей странѣ и своему народу, „которые къ дѣлу годятся“.

Чѣмъ же и великъ Петръ Первый въ нашей исторіи—скажемъ въ заключеніе—какъ не тѣмъ именно, что, не найдя въ древней Руси ни такъ называемаго „образованія“, безъ котораго нельзя обойтись въ государствѣ, ни „общественныхъ людей“, которые бы въ общественныхъ дѣлахъ способны были забывать свой личный и сословный эгоизмъ,—бился и мучился вѣкъ цѣлый завести то и другое на Руси. Чужой образованности, образовавшейся вѣками у потрудившагося надъ своимъ самосознаніемъ народа, конечно, нельзя взять на прокатъ. И въ томъ была ошибка крутаго Реформатора, не столько, впрочемъ, даже его, какъ, выражаясь риторическимъ приѣмомъ, усвоеннымъ историками: ошибка пигмеевъ, продолжавшихъ ити путемъ великана. Но мало по малу самосознаніе пробуждается въ Русскомъ народѣ; самое „образование“ уже начинается, наконецъ, быть понимаемо, какъ самосознаніе народа... а не подражаніе тѣмъ или другимъ коммерческимъ и производственнымъ улучшеніямъ, которыя, дѣйствительно, возможно всякому народу—однимъ у другихъ—заимствовать на прокатъ или поку-

пать на наличныя деньги. Благодаря трудамъ именно Петра Великаго, тѣмъ именно, что старался онъ завести образованность на Руси—мы вѣримъ въ достаточное количество у насъ „образованныхъ людей“ для удовлетворенія той насущной потребности, по крайней мѣрѣ, какъ завести сельскій мировой участокъ на Руси—впрокъ „Государеву-земскому дѣлу“.

Воспоминая о „Редакціонной Комиссіи“ Ростовцева и помышляя о подобномъ временномъ органѣ, на случай, если наши внутреннія дѣла были-бы изъяты изъ Министерства Полиціи,—повторяемъ, считаемъ его лишь преддверіемъ къ выходу на ту прямую дорогу, съ которой мы сбились давно. Задача его лишь организовать по возможности хоть на будущее время, хоть для подрастающихъ поколѣній „православнаго крестьянства“—такой порядокъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто нынѣшнихъ неурядковъ, при которомъ, наконецъ, стало бы можно „крещенымъ людямъ—живыми быть“.
